
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2016/4

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2016

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, доц.
д-р Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв.
секретарь), Радослава Лесневска (технический редактор).

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Майя Павлович-Шайтинац

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЗ РУССКОГО В СЕРБСКИЙ ЯЗЫК НА
ПРИМЕРЕ СЕРБСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ 5

Елена Кирилова Раденкова

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ТИПА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ИГРОВЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ПАРЕМИЙ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ 11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Петрович Орлов

ЗАМКНУВШИЙ ТРАЕКТОРИЮ РУССКОЙ КЛАССИКИ: ИВАН
БУНИН «ГЕГЕЛЬ, ФРАК, МЕТЕЛЬ» 23

Хуан Шицзэн

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА В КИТАЕ 32

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галия Мултаевна Бадагулова

ЭТНОНИМЫ «ХУННУ», «ГУННЫ» В РУССКОЙ РЕЧИ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 39

Денис Иванович Петренко

Клара Эрновна Штайн

ФИЛОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ 52

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Милена Иванова Стойкова

ТЕКСТОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ БОЛГАРСКИХ УЧАЩИХСЯ..... 62

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина

О «СЛЕДАХ РИТМА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И
ПЕРЕВОДЕ 73

РЕЦЕНЗИИ

Анна Димитрова Николова

Е.Ю. Иванова, А.А. Градинарова. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОГО. Москва: Языки славянской культуры, Studia philologica, 2015. - 626 с..... 83

ХРОНИКА

Димитрина Спасова Лесневска

Научная конференция с международным участием «Русистика сегодня: традиции и перспективы»..... 92

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Жана Щилиянова Лалева

Теодора Георгиева Радева

Средняя школа с изучением иностранных языков имени Святого Климента Охридского, г. Благоевград..... 96

IN MEMORIAM

Проф. д.ф.н. Светлана Жановна Пенева

(1936 – 2016) 99

Магдалена Димитрова Ганчева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 101

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ..... 102

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА..... 105

ЛИНГВИСТИКА

Майя Павлович-Шайтинац
Университет обороны, Военная академия
Белград, Сербия

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЗ РУССКОГО В СЕРБСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ СЕРБСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические заимствования из русского в сербский язык в статьях собственных корреспондентов сербских печатных СМИ. Нами были проанализированы значение и сфера употребления обобщенно-личных предложений в двух языках. Рассмотренные примеры свидетельствуют о том что, несмотря на факт существования данного типа предложений в обоих языках, четко можем проследить различия в сфере их значения и тем самым в сфере их употребления.

Ключевые слова: русизмы, печатные СМИ, обобщенно-личные предложения, значение, сфера употребления, исполнитель действия

Maja Pavlović-Šajtinac
University of Defence, Military Academy
Belgrade, Serbia

SYNTACTIC RUSISMS IN PRINT MEDIA CORRESPONDENT ARTICLES

Abstract: This article considers the issue of syntactic rusisms in print media articles of Serbian foreign country correspondents. We analysed the semantics and breadth of usage of impersonal sentences in both languages. In conclusion, we point out that these types of sentences are present in both Serbian and Russian, and argue that their usage varies in scope and semantic structure.

Keywords: Rusisms, print media, impersonal sentences, semantics, sphere of usage, grammatical subject

Исходя из контактологии (Хауген, Вайнрайх, Маккей) и билингвизма как ее краеугольной точки, становится очевидным, что языковое заимствование можно разделить на вторичное и первичное [Филипович 1986], однако по словам того же автора, в соответствии с принципами контактологии, языковые заимствования возможны лишь в непосредственном контакте двух языков. Рассматривая проблему заимствований из русского языка в более широких исследованиях на примере статей, опубликованных в печатных СМИ, мы пришли к выводу, что заимствования из русского в сербский язык видны на всех языковых уровнях, в том числе синтаксическом. Учитывая факт того, что, как утверждает Есперсен, «синтаксис направлен на рассмотрение взаимоотношений значения и формы в рамках данного языка» [Есперсен 1958], логичным было бы считать, что синтаксис каждого отдельно взятого языка трудно попадает под влияние другой и даже близкородственной языковой системы. Тем не менее, как контактология свидетельствует в ситуации языковых контактов (в нашем случае, родного языка, на котором журналисты пишут, и иностранного, на котором получают необходимую информацию), механизм заимствований запускается на всех языковых уровнях.

В данной статье рассмотрим значение и употребление неопределенно-личных предложений в русском и сербском языках, а также примеры синтаксических русизмов в статьях журналистов.

В русском языке в обобщенно-личных предложениях сказуемое чаще всего выражается формой второго лица единственного числа (реже в других личных формах), подлежащее обычно опущено (но и это не обязательно), а значение, по сути, может касаться любого лица, находившегося в ситуации, на которую данным предложением указывается, по причине чего предложения, несущие данное значение, часто встречаются в пословицах [Розенталь 1984], напр.: *Насильно мил не будешь*. А обобщенно-личными считаются только те предложения, которые по форме являются определенно-личными или неопределенно-личными, но обозначают действия или состояния обобщенно мыслимого лица. Это предложения, в которых формулируются наблюдения, связанные с обобщающей характеристикой определенных предметов, жизненных явлений и

ситуаций, как в следующих пословицах: *Береги честь смолоду; Что имеем — не храним, потерявши — плачем; Цыплят по осени считают; Снявши голову по волосам не плачут.*

Сказуемое в данном типе предложений обычно выражается настоящим или будущим временем, а отношение к прошлому высказывается с помощью настоящего нарративного времени, например с помощью частицы «*бывало*», напр.: *Кое-когда бывало и так, что идешь домой и такие крендели выписываешь, что со стороны глядеть страшно. / Понекад се дешавало и то да идеш кући и такве осмице правиш да је са стране страшно гледати* [Тошовић 1988].

Учитывая весь набор односложных предложений, обобщенно-личные являются самыми экспрессивными, и как утверждает А. М. Пешковский, «чем более интимным является какое-либо переживание, тем говорящему лицу труднее об этом перед множеством людей говорить, и поэтому весьма часто в ход пускаются обобщенно-личные предложения, и таким образом пережитое переносится на всех слушающих» [Пешковский 2001: с.20].

На сербский язык данный вид предложений переводится тем же типом предложений (*уопштеноличне реченице*), хотя в определенных случаях могут быть использованы и другие конструкции [Маројевић 1988]:

1) личные предложения с подлежащим человек / *човек*: *Забывал тебя так, как забываешь, что дышишь / Заборављао сам те као што човек заборавља да дише.*

2) личные предложения с подлежащим никто / *нико* (в отрицательных предложениях) и кто / *ко* (в утвердительных): *Тебя не обманешь / Тебе нико не превари.*

3) личные пассивные предложения с морфемой – *се*: *У тебя такие глаза, которые не забудешь / Имаш очи које се не заборављају.*

4) безличные предложения с морфемой – *се*: *Хотел иметь друга, с которым и говорить иначе и молчать иначе / Желео је да има друга са којим се другачије и разговара и ћути.*

5) личные предложения, в которых подлежащее является реальным субъектом действия, а сказуемое выражается

соответствующим глаголом в личной форме: *Страх отвратителен, когда видишь его со стороны / Страх је одвратан кад га видиш са стране.*

Значение обобщенно-личных предложений, присущее структуре русского языка, в сербском языке реализуется с помощью лексических единиц (*м о ђ и, м о р а т и*), лексическо-грамматических средств (безличный глагол или сослагательное наклонение), грамматических средств (изменение глагольного вида и глагольного времени сказуемого), дополнительных синтаксических средств, благодаря которым действие обобщается. С другой стороны, применение обобщенно-личных предложений в сербском языке оказывается невозможным в следующих случаях:

1) если прямое или косвенное дополнение при глаголе в функции сказуемого выражено местоимением реального второго лица единственного числа: *Вечно тебя ждешь / Увек те чекам.*

2) если в рамках одного предложения используется глагол в форме обобщенного второго лица и личное или притяжательное местоимение первого лица, к которому относится действие, выраженное глаголом: *Жила я радостно, проснешься так утром и запоешь / Живела сам радостно, чим се пробудим, запевам.*

3) если действие, выраженное сказуемым обобщенно-личного предложения, индивидуализировано до такой степени, что касается лишь говорящего лица и никого больше: *В наших отношениях я находила радость учить его любить, то что любишь сама / Радовала сам се да га учим да воли оно што ја сама волим.*

Обобщенно-личные предложения существуют как в русском, так и в сербском языке, и как в русском, так и в сербском они указывают на действие, которое может относиться к любому лицу, в любое время в рамках данной ситуации (*Идеши тако од куће или се враћаш са посла, а све мислиш да ли си све урадио што си био дужан*). В сербском языке их значение можно представить и с помощью предложений, в которых в роли подлежащего выступает существительное «човек», т.е. исполнитель действия подразумевается, как неопределенное лицо (*Човек никако да те нађе*). Также данное действие можно выразить и с помощью

сказуемого в первом лице единственного числа, как в указанных примерах.

В сербском языке данный тип предложений часто встречается в пословицах и устойчивых словосочетаниях, именно из-за обобщенного понимания лексемы человек / «човек», как любой человек / «сваки човек» или же ни один из людей / «ни један човек», как в примере: *Хвали море, држ се краја* [Пипер 2005].

Рассмотрим случаи синтаксических заимствований, т.е. неадекватно адаптированных значений русских неопределенно-личных предложений в сербский язык на примерах из печатных средств СМИ¹:

1) Изгледа да је то као код нас, кад се једном *усидриш* тако и *останеш* (НИН, 02.02.1986:50). В данном случае автор пренебрег факт того, что в сербском языке в данной ситуации необходимо внести подлежащее *човек* (человек) и таким образом усилить значение - каждый, любой человек. Исходя из этого, сербский эквивалент должен иметь следующую форму: «*Изгледа да је то тако код нас, кад се човек једном усидри, тако и остане*».

2) А ви мислите да је то тек тако *дођеш, јавиш се* за реч, *говориш* и *сиђеш* са позорнице (НИН, 09.02.1986: 50). В данной ситуации значение, присущее русскому неопределенно-личному предложению, в сербском языке более правильно было бы выразить личным предложением с подлежащим во втором лице множественного числа настоящего времени и соответствующим сказуемым, т.е. дать ему следующую форму: «*А ви мислите да је то тек тако, дођете, јавите се за реч, говорите и сиђете са позорнице*».

3) Онда сам помислио - сваки пут кад *видиш* ловца на тигрове *осетиш* задовољство (НИН, 10.03.1968: 17). Правила сербского синтаксиса требуют, чтобы данное предложение было трансформировано в личное предложение с подлежащим как реальным исполнителем действия, в первом лице единственно числа и сказуемым, выраженным личным глаголом. Следовательно, более

¹ Более широкое исследование заимствований из русского языка в сербский язык мы реализовали в нашей научной работе «*Русизми у извештајима новинских извештача*» Београд, 2008. Маја Павловић-Шајтинац, магистерская диссертация.

правильный вариант предложения должен иметь следующую форму: «*Онда сам помислио – сваки пут кад видим ловца на тигрове, осетим задовољство*».

4) Диплома те постави на колосек и онда њиме *јездиш* до краја радног века (НИН,02.02.1986:51). Данное предложение также нужно трансформировать в личное предложение с подлежащим в третьем лице единственного числа и соответствующим сказуемым и придать ему следующую форму: «*Кога диплома једном постави на колосек, он њиме путује до краја радног века*». Кстати, здесь надо добавить, что автор рассматриваемого предложения русский глагол «ездить» неправильно перенес в сербский язык, и вместо его семантического эквивалента *путовати* (тем более что в предложении упоминается железная дорога), оставил глагол *јездити*, имеющий в сербском языке значение «скакать на коне»².

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на факт существования данного типа предложений в обоих языках, четко можно проследить за различием в сфере значения и в сфере употребления. В русском языке неопределенно-личные предложения обладают более широким спектром значений, чем их сербские эквиваленты, т.е. значение указанного типа предложений в сербский язык необходимо переносить, в зависимости от того, кто на самом деле является исполнителем действия, или теми же конструкциями, или же другими типами предложений, такими как: предложения с подлежащим *человек*, в которых сказуемое выражается вторым лицом единственного числа или же при помощи других лексических, лексическо-грамматических или грамматических средств.

² **јездити** возити се, ићи (превозним средством), путовати ~ верхом јахати; ~ по железној дороге путовати железницом; ~ за границу путовати у иностранство РСХС 166.

јездити и **јездити**, -им. несврш. 1. јахати „на вранцу језди врела јесен“ Кркл.; 2. касати, грабити, јурити (о коњу) „...црни коњаници по водама језде..“ Наз.; 3. *фиг.* јурити брзо пролазити, нестajати „облаци језде један преко другога“ Уск. РСКЈ т 2. Ж-К 590

ЛИТЕРАТУРА

Есперсен 1958 – *Есперсен О.* Философия грамматики. Москва: Издательство иностранной литературы.

Маројевић 1988 – *Маројевић Р.* Лингвистика и поетика превођења. Београд: Научна књига. – с. 240.

Пешковский 2001 - *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Языки славянской культуры.

Пипер 2005 – *Пипер П.* Синтакса савременог српског језика: проста реченица. / Ред. *М. Ивић.* Београд: Институт за српски језик САНУ - с. 602.

Розенталь 1984 – *Розенталь Д. Э.* Современный русский язык. Москва: Высшая школа. -с. 514.

Тошовић 1988 – *Тошовић Б.* Руска граматика у поређењу са српскохрватском. Сарајево: Свјетлост.- с. 384.

Филиповић 1986 – *Филиповић Р.* Теорија језика у контакту. Загреб: Школска књига. – с. 245.

СЛОВАРИ

Русско-сербскохрватский словарь 1965. Москва: Советская энциклопедия.

Речник српскохрватскога књижевнога језика 1967, књига друга Ж-К. Нови сад, Загреб: Матица српска, Матица Хрватска.

Елена Кирилова Раденкова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ТИПА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ИГРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПАРЕМИЙ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Аннотация: В статье рассматриваются приемы трансформации газетных заголовков в современных российских печатных изданиях. В текстах СМИ очень часто обыгрываются фразеологические выражения (поговорки, пословицы, поговорки и прецедентные высказывания). Дефинируется термин трансформация паремии и прецедентного высказывания. На конкретных примерах иллюстрируется изменение коммуникативного типа

высказывания (при полном сохранении его лексического состава), которое чаще входит как прием в комплексную трансформацию.

Ключевые слова: газетный заголовок, поговорка, прецедентное высказывание, трансформация, изменение коммуникативного типа предложения

Elena Kirilova Radenkova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

ALTERATION OF THE COMMUNICATIVE TYPE OF A SENTENCE AS A STRUCTURAL-SEMANTIC TYPE OF TRANSFORMATION OF PROVERBS AND PRECEDENT STATEMENTS IN NEWSPAPER HEADLINES

Abstract: The following article explores the usage and transformations of various proverbs in contemporary Russian newspaper headlines. In the mass media texts phraseological expressions are often played with (proverbs, precedent statements). The term transformation of proverbs and precedent statements is defined. In the specific examples the change in the communicative type of the statements are illustrated (along with keeping their lexicological composition), and it is frequently a subtype of complex transformations.

Keywords: newspaper headlines, proverb, precedent statement, transformation, changing the communicative type of the sentence

Специфику заголовка печатного медиатекста необходимо рассматривать на фоне функциональных характеристик газетной публицистики в целом. Главной особенностью публицистического стиля является «чередование экспрессии и стандарта» [Костомаров 1971: 61], обусловленное функцией воздействия на адресата и функцией сообщения (или коммуникативно-информативной функцией), «поскольку формирование общественного мнения (а в этом и состоит основное назначение публицистики) предполагает опору на точные факты» [Бельчиков 1975:15].

В публицистическом стиле выделяются такие черты, как информационность, воздействие на читателей, экспрессивность, намеренная выразительность, открытая оценочность речи, призывность, простота и доступность, массовый характер, а также

собирательность, обобщенный характер изложения. Газетной статье присуща также такая черта, как «нацеленность на новизну» – журналиста интересуют, прежде всего, актуальные вопросы сегодняшнего дня, представляющие интерес для общества. Этим объясняется и сенсационность содержания многих публикаций.

В ходе анализа газетного заголовка необходимо опираться на существующие между ним и основным текстом проспективно-ретроспективные связи. Заголовок имеет двустороннюю сущность – он предуведомляет о содержании публикации и одновременно с этим является результатом осмысления текста [Лютая 2008: 6]. Способность заголовка влиять на организацию текста зависит, прежде всего, от его информативной емкости. Чем выше познавательная ценность заголовка, тем выше его текстообразующая способность. Не менее важно учитывать и влияние в обратную сторону, а именно, как текст статьи обуславливает интерпретацию смысла заголовка.

Современная пресса в борьбе за своего читателя становится экспрессивной и диалогичной. Текст, ориентированный на диалог, должен включать живые языковые элементы, понятные всем носителям языка. В работах ряда ученых отмечается, что использование фразеологизмов в заголовке является эффективным средством для привлечения внимания читателей к журналистскому материалу.

Наши наблюдения показывают, что из всех существующих видов фразеологизмов наиболее часто в текстах СМИ обыгрываются именно фразеологические выражения (поговорки, пословицы и прецедентные высказывания). Это своеобразные микротексты, которые являются элементом культурной памяти народа, они хорошо известны большинству носителей языка и регулярно используются для создания других, ассоциативно связанных с ними микротекстов.

В существующей литературе авторские преобразования, или трансформации, обычно связываются с импровизированным изменением состава устойчивой единицы языка в экспрессивно-стилистических целях [см. Гусейнова 1997: 7]. Для обозначения видоизмененных фразеологизмов предлагаются разные термины: *индивидуально-авторские* / *контекстуальные авторские*

преобразования / трансформации ФЕ, речевые модификации фразеологизмов, окказиональные фразеологизмы, деформации идиом и др.

В настоящей статье используется термин **трансформация**, под которым понимается намеренное внесение изменений в структуру оригинального культурно значимого устойчивого высказывания, в котором проявляется творческий потенциал автора. С позиции реципиента трансформация приводит к разрушению стереотипа восприятия фразеологического выражения (далее ФВ): оно приобретает новый (модифицированный) смысл, актуальный именно для данного конкретного контекста.

Таким образом, *трансформация* оказывается универсальным терминологическим обозначением любых семантико-структурных преобразований пословиц, поговорок и прецедентных высказываний (далее ПВ), которые не являются их вариантами, закрепленными в словаре.

Изменение коммуникативного типа высказывания (при полном сохранении его лексического состава) можно определить как модусную трансформацию паремии, посредством которой журналист может модифицировать категоричность высказывания, подвергать сомнению правомерность пословичного послания, побуждать адресата к действию и т.д.

Наиболее частотной разновидностью данной модификации является преобразование утверждения или побуждения в вопрос.

Например, произведенная в заголовке *Куй железо, пока горячо?* <Сверхприбыли металлургов увеличивают стоимость социального жилья> (РГ, 14.04.2008) трансформация побудительного предложения в вопросительное подсказывает спорность хорошо знакомой максимы в сложившейся обстановке.

Чаще всего исходная паремия, имеющая форму повествовательного предложения, превращается в вопросительное. По словам Е. А. Набиевой, «вопрос в заголовке всегда интригует и вызывает желание узнать ответ, следовательно, прочитать текст» [Набиева 2013: 63].

В нашем материале (это заголовки, содержащие трансформированные паремии и прецедентные высказывания из

современных газет, издаваемых в России: «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новые известия», «Коммерсантъ», «Коммерсантъ Деньги», «Коммерсантъ Weekend», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», вышедших с января 2014 г. по декабрь 2015 г.) отсутствуют примеры самостоятельного применения приема изменения коммуникативного типа предложения в паремиях. Во всех зафиксированных заголовках, где используется этот прием, он совмещается с заменой компонентов ИП.

В современной прессе весьма распространены заголовки, в создании которых задействовано несколько видов трансформаций паремий. Это связано с тем, что для дискурса прессы характерно стремление к повышенной экспрессивности, что обуславливает постоянный поиск средств, позволяющих реализовать установку на повышенную экспрессивность.

Во множестве пословичных трансформов, представленных в нашем корпусе, были установлены самые разнообразные комбинации двух, а иногда и трех видов трансформаций. Совмещение названных выше игровых приемов усложняет как создание, так и восприятие трансформов, в результате чего на первый план выводится эвристическая функция ЯИ.

Рассмотрим следующий пример, в котором представлена комплексная трансформация паремии *Любишь кататься, люби и саночки возить*. В нем была установлена реализация двух трансформационных приемов:

1) замена второй части исходной паремии (далее ИП) на другую предикативную конструкцию;

2) изменение коммуникативного типа предложения – первая часть паремии превращается в вопросительное предложение.

В результате этого комплексного преобразования заголовков приобрел достаточно аттрактивный вид:

Любишь кататься? Умей колеса поменять <Навыки, которыми должен овладеть каждый автолюбитель> (КП 29.10.2015).

Введение вопроса в состав заголовочной конструкции повышает ее диалогичность. Автор словно обращается непосредственно к каждому из потенциальных читателей газетного материала. Вторая часть ИП полностью заменена новым

высказыванием, дающим инструкцию водителям относительно необходимости обладать определенными умениями.

Вопросительная конструкция нередко содержит скрытое утверждение или иронию. Иногда она ставит под вопрос универсальную истинность паремии.

Что американцу здорово, то русскому карачун? <Тайны ГМО: о щетине во рту, крысином раке и украинском рапсе> (РГ, 21.12.2015).

Значительной модификации подверглась ИП: *Что русскому хорошо, то немцу смерть*, смысл которой можно сформулировать так: 'Что хорошо одним, может быть губительно для других'.

В статье-интервью идет речь о ГМ-продуктах, которые благодаря американской компании Монсанто шествуют по всему миру и о контроле ввозимой продукции. Автор проделал две замены на лексемы-актуализаторы *русскому – американцу* в первой части ИП и *немцу – русскому* – во второй. Замене подверглись и квазиантонимичные компоненты *хорошо – смерть* в ИП на такие же квазиантонимичные в трансформированной паремии (далее ТП): *здорово – карачун*, которые, со своей стороны, являются разностилевыми синонимами к исходным (ср. *хорошо – здорово* – разг.; *смерть – карачун* – разг. сниж.). Вопросительная конструкция ТП в заголовке статьи сразу привлекает внимание новизной звучания, достигает комического эффекта. Вот почему читателю хочется узнать ответ на поставленный вопрос. Просматривается негативная оценка автора по отношению к ГМО.

Использование в заголовках периодической печати прецедентных единиц данного типа повышает выразительность заголовка, увеличивает его экспрессивные возможности. Вопросительная интонация вносит в ПВ дополнительную эмоционально-семантическую информацию, которой нет в узуальной форме, в силу ее устоявшегося в сознании носителя языка значения.

Тайное стало явным? <Сервис «Хедхантер» разработал программу, которая лишает пользователя соцсети анонимности: теперь работодатель может посмотреть страничку человека, который прислал резюме > (АиФ, 08.07.2015)

Исходное ПВ (далее ИПВ) – библейский афоризм *Всё тайное становится явным* (в Евангелии от Марка (гл. 4, ст. 22) и от Луки (гл. 8, ст. 17) сказано: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» [см. Серов 2003] и употребляется в прямом смысле. Использование вопросительной модальности вместо узуальной повествовательной и словообразовательная замена возвратного глагола несовершенного вида глаголом совершенного вида прош. вр. Трансформированное прецедентное высказывание (далее ТПВ) позволяет автору привлечь внимание к возможному лишению анонимности миллионов пользователей соцсети. Сентенциальная обобщенность значения разрушается и ТПВ соотносится лишь с конкретным сообщением.

Данный тип трансформации в следующем заголовке приводит к отвержению послания, представленного в ИПВ:

Зачем детям все лучшее? (НГ, 24.05.2014).

При помощи произведенной коммуникативно-синтаксической трансформации автор статьи Ян Левченко, профессор отделения культурологии НИУ ВШЭ, полемизирует со знакомым с детства советским лозунгом. Задавая себе вопрос, сформулированный в заголовке, автор выражает позицию, согласно которой этот лозунг отражает синдром принуждения к счастью, который развился в советские времена; его текст словно внушает детям: «На тебе лежит ноша ответственности: нельзя быть несчастным, когда взрослые так и лезут из кожи вон, чтобы у тебя все было хорошо».

Не нужен нам берег турецкий? <Полеты на курорты Турции и Туниса собираются прекратить ради пиара> (МК, 13.11. 2015).

ИПВ – строка из песни «Летят перелетные птицы» *Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна*. Изменение коммуникативного типа предложения ТПВ приводит к выражению сомнения со стороны автора и является завуалированным предложением сомневаться вместе по поводу комментируемого факта. В статье идет речь об идее депутатов запретить авиаперелеты не только в Египет, но и в Тунис и Турцию, в связи с повышенной угрозой терактов, рекламируя активно отдыхать в знакомом с детства Крыму. Интересно, что статья вышла в свет за две недели до того,

как был сбит ВВС Турции российский самолет, и ответ на этот вопрос из иронически очевидно положительного станет категорично отрицательным.

Шумим, братцы? (АиФ, 22.07.2015)

ИПВ – цитата *Шумим, братец (братцы), шумим!* из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» характеризует людей, которые симулируют активную деятельность на словах, но не способны к действиям. Изменение модальности утверждения в вопросительную в ТПВ усиливает экспрессивность и ироническую оценку автора по поводу бурной деятельности депутатов даже в разгар лета, чтобы лишний раз напомнить о себе. Такие предложения содержат скрытое утверждение и иронию. Риторический вопрос является выразительным средством, воздействующим на реципиента с точки зрения коммуникативной направленности.

Интересный пример изменения коммуникативного типа предложения представлен в (4). Это один из немногочисленных случаев, когда исходное повествовательное предложение превращается в побудительное, а не в вопросительное.

Наука, выжить! <Реформа РАН неожиданно сплотила ученых> (Огонек, 10.06.2015).

В данном заголовке обыгрывается название канадской телепрограммы *Наука выжить*, выходящей в мировой эфир, на канале Discovery Channel. Это передача о том, как можно выжить в экстремальных местах Земли. Автор осуществил оригинальный семантический сдвиг благодаря использованию пунктуационных средств – запятой и восклицательного знака. В ТПВ происходит членение единого синтаксического целого на сегменты: на риторическое обращение, выделенное запятой, и изменение интонационного рисунка от повествовательного в императивный. Усиливается смысловая роль паузы, которая позволяет читателю осмыслить обращение к абстрактному неодушевленному понятию и понять смысл, вкладываемый автором: Наука, ты должна, обязана выжить в нынешних трудных условиях! Данная структурно-семантическая трансформация привлекает своей неожиданностью и экспрессией, заставляя читателя прочитать статью о реформах в РАН.

Приведем пример, где можно наблюдать прием **замены в комбинации с изменением коммуникативного типа предложения**:

А король-то лишний? <Шведские депутаты хотят превратить одну из старейших монархий Европы в республику> (НИ,06.2015).

В заголовке статьи автор отсылает к сказке Андерсена «Новое платье короля», точнее к известной реплике ребенка, который единственно осмелился сказать правду: *А король-то голый!* Данное ПВ употребляют, когда вскрываются какие-то неприглядные свойства обсуждаемого объекта, о которых никто не решается говорить. При помощи замены ключевого слова *голый* на слово-актуализатор *лишний* актуализируется контекст употребления трансформа. ИПВ является восклицанием, а ТПВ оформлено как риторический вопрос, что подсказывает читателю дискуссионность данной проблемы, Прилагательное *лишний* в его прямом употреблении вместе с подзаголовком сразу информируют о теме статьи.

Каких наберут в космонавты <Что важнее для работы на орбите: генетика или образование? > (РГ, 29.07.2015)

ИПВ отсылает к названию песни группы «Манго-Манго» *Таких не берут в космонавты*. В ТПВ реализована замена формы указательного местоимения *таких* в оригинале на форму вопросительного местоимения *каких* в трансформе. Это меняет коммуникативную направленность предложения от категорического утверждения с логическим выделением фонетического слова *не берут* на вопросительную модальность, с перестановкой центра на вопросительном слове *каких*. Каламбурно обыгрывается фонетическое слово *не берут* и близкая по звучанию глагольная словоформа *наберут*, при сохранении ритмической модели. Данные замены приводят к транспозиции синтаксической конструкции в вопросительную без пунктуационного обозначения. Подзаголовок поддерживает интенсивность вопросительной модальности. В статье-интервью с заместителем директора ИМБП РАН, доктором медицинских наук Валерием Богомоловым читатель найдет ответы на многие вопросы, в том числе и на такой: в состоянии ли человек летать очень долго и не терять при этом работоспособности.

С вело мы в бой пойдём? <Велосипедный бум в Москве: уворачиваться приходится и пешеходам, и автомобилистам> (МК, 13.07.2015)

В заголовке каламбурно обыгрывается строка популярной песни времён Гражданской войны в России *Смело мы в бой пойдём*. Произведена замена лексемы *смело* в ИПВ близким по звучанию фонетическим словом (*с вело*) в ТПВ, где *с* является проклитикой, а *вело* (*велосипед*) – первая часть сложного существительного, полнозначным словом. В статье речь идет об опасностях, которые подстерегают пешеходов со стороны велосипедистов. Вопросительная интонация использована как прием создания выразительности.

Их не догонят? <Американская экономика за прошлый год выросла на рекордный показатель> (НИ, 25.12.2014).

Заголовок отсылает к ПВ *Нас не догонят* – строке из популярной песни группы „Тату“. В ТПВ происходит замена формы 1 лица мн. числа Р.п. личного местоимения (*мы*) – *нас* на форму 3-его лица мн. ч. Р.п. личного местоимения (*они*) – *их*. Это связано с тем, что ТПВ адресует заложенный посыл в видоизмененной фразе к другому субъекту, чтобы выразить контрастность противопоставления по оси "мы-они", т.е. российская экономика – американская экономика, где *мы* является маркером единения. Данное ТПВ извлекает из глубин сознания еще одну аллюзию на знаменитую фразу-лозунг Н. С. Хрущева "*Догнать и перегнать Америку!*". Посредством этой аллюзии автор иронично намекает о заранее проигранном соревновании. Оформляя ТПВ в виде вопроса, он не только информирует читателя о показателях значительного роста американской экономики, но и имплицитно идею о том, что, если Россия уже не сможет "догнать", то может быть кто-то другой все-таки сможет это сделать.

Гугл нам поможет? <Глава Минздрава заявила, что в населенных пунктах, в которых проживают менее 100 жителей, установят скайпы, с помощью которых врачи будут лечить сельских жителей на расстоянии> (АиФ, 24.06.2015)

ИПВ – фраза Остапа Бендера из романа «Двенадцать стульев» *Заграница нам поможет*, которая цитируется как иронический

комментарий к позиции тех, кто надеется не на свои силы в решении своих же проблем, а на «бескорыстную» помощь неких внешних сил, «заграницы» [см. Серов, 2003]. В статье идет речь о дистанционном лечении больных по скайпу. Замена лексемы граница в ИПВ на актуализатор Гугл в ТПВ погружает цитату в современный конкретный контекст об использовании новых технологий в сфере здравоохранения. Смена модальности способствует переносу иронического звучания исходной цитаты и на ТПВ, т.к. настоящую медицинскую помощь может оказать только медик.

Комбинация **добавление и изменение коммуникативного типа предложения** представлена в следующем насыщенном экспрессией заголовке, относящемся к оценочному типу.

*Умом Россию не понять? **Еще как можно!*** <Скрытый конфликт культур как главная тайна российской политики> (МК, 24.12.2015).

В данном заголовке автор опирается на популярную строку из стихотворения-четверостишия «Умом Россию не понять» Ф. И. Тютчева. В рамках диалогического подхода к дискурсу СМИ необходимо отметить, что заголовок, с одной стороны, устанавливает диалогический контакт с читателем, а с другой стороны, нацеливает его на восприятие текста статьи. В первой части заголовка дословно цитируется ПВ, но оно оформлено как вопрос, т.е. налицо изменение коммуникативного типа предложения. Вторая часть добавлена в постпозиции как ответ-восклицание, которое экспрессивно выражает авторское отношение к содержанию первой реплики. Добавление несет основной коммуникативный вес заголовка, но вместе с тем звучит неоднозначно, а это провоцирует интерес читателя. Автор делает ставку на расширение границ привычной синтаксической структуры, чтобы оживить контакт с адресатом, который настроен на стандартное понимание ПВ, ставшего клишированной фразой (с ее патетикой и поэтической стилистической окраской). Вот почему неожиданное присоединение второго предложения вызывает эффект полемики с устоявшимся смыслом фразы. ТПВ контрастно обрамляет очень углубленно написанную статью о том, какие формы политической культуры сталкиваются друг с другом в современной России.

Изменение коммуникативного типа предложения, как среди паремий, так и среди ПВ, встречается редко. Обычно данная трансформация выступает в виде комбинирующей с другими в составе комплексных трансформаций, являющихся самыми интересными с точки зрения прослеживания комбинации двух или более игровых приемов в конструировании трансформа. 19% паремий и четверть ПВ в нашем материале модифицированы именно таким образом. Наши наблюдения показывают, что российские журналисты отдают предпочтение таким преобразованиям паремий и ПВ, в которых содержится загадка, которые интригуют и стимулируют читателя ознакомиться с содержанием основного текста публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельчиков 1975 – *Бельчиков Ю.А.* Стилистика. Москва, 1975,15.
- Гусейнова 1997 – *Гусейнова Т.С.* Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997,7.
- Костомаров 1971 – *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. Москва: Изд-во МГУ, 1971, 61.
- Лютая 2008 – *Лютая А.А.* Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика. автореф. дисс... канд. филол. наук. Волгоград, 2008,6.
- Набиева 2013 – *Набиева Е.А.* Заголовок в рецензии // Журналистский ежегодник, Вып.№ 2-2, 2013,63.
- Серов 2003 – *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс, 2003.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Петрович Орлов
Полтавский национальный
педагогический университет имени В.Г. Короленко
Полтава, Украина

ЗАМКНУВШИЙ ТРАЕКТОРИЮ РУССКОЙ КЛАССИКИ: ИВАН БУНИН «ГЕГЕЛЬ, ФРАК, МЕТЕЛЬ»

Аннотация: В статье анализируются художественные особенности поздней прозы Ивана Бунина. Автор рассматривает творчество писателя как органическое соединение классической традиции с новациями эпохи модернизма. И. Бунин как писатель, завершающий русскую реалистическую классику, состоялся благодаря художественному совершенству произведений, безупречному чувству стиля, а также принципиальному отношению к русской истории. Миссию русского писателя он видел в неприятии и разоблачении социальных экспериментов, произошедших в России. Эта десятилетиями неизменная позиция рассматривается на примере произведения «Гегель, фрак, метель», где биографические воспоминания (Болгария 1920 года) возвращают писателя к теме абсурдности гражданского противостояния во всех его проявлениях: насилие, ложь, лицемерие, упадок культуры.

Ключевые слова: классическая традиция, реализм, модернизм, асиндетон, абсурд

Orlov Alexey Petrovich
Korolenko Poltava national pedagogical university
Poltava, Ukraine

CLOSED THE PATH OF CLASSIC: IVAN BUNIN «GEGEL, TAILCOAT, BLIZZARD»

Abstract: The article features of Ivan Bunin's late prose are analyzed in the article. The author considers the writer's work as a harmonious integration of the classical tradition and Modernism innovations. Ivan Bunin, the final writer of Russian Realism classic, succeeded due to artistic perfection of his works, impeccable sense of style, as well as a principled attitude to Russian History. He

saw the mission of the Russian writer in the opposition and exposing the social experiments which took place in Russia. This unchanged for decades attitude is considered on the example of his work «Gegel, Tailcoat, Blizzard», where biographical memories (Bulgaria, 1920) ring the author back to the theme of civil opposition in all its forms: violence, lies, hypocrisy, culture decline.

Keywords: classical tradition, Realism, Modernism, asyndeton, absurd

Иван Алексеевич Бунин считал себя продолжателем классических традиций русской литературы, подчеркивая свою приверженность реализму на фоне развивающегося и затмевающего все существующее в искусстве модернизма. Однако современные исследователи доказывают наличие модернистских тенденций не только в общей стилистике творчества, но и на отдельных уровнях текста: «ощущение тайны, рациональной непостижимости бытия, свойственное всей поэтической культуре рубежа веков и сближающее Бунина с модернизмом, оказало решающее воздействие на пластику художественного образа» [Ничипоров 2003: 55]. По мнению И.Б. Ничипорова, соотношение творчества Бунина с модернистской и реалистической эстетическими системами происходило на уровнях поэтики художественного образа, открытия новых форм художественного психологизма, жанровых исканий.

Важной для развития современного буниноведения является концепция В. Силантьевой, которая доказала, что на рубеже XIX-XX веков в русском искусстве прослеживаются характерные черты особого типа реализма – реализма Серебряного века, который является «синтезом нового со старым» [Силантьева 2003: 55]. В последнее время исследователи все больше используют термин «неореализм» в отношении творческого метода И.А. Бунина (Г. Климова, Н. Яблоновская и др.), хотя значение этого понятия понимают по-разному. Т. Васильчикова, Л. Генералюк, Н. Яблоновская убедительно пишут о наличии в творчестве И. А. Бунина импрессионистических тенденций.

По мнению большинства современных исследователей, в творчестве И. Бунина органично соединились реалистические традиции русской литературы с модернистскими тенденциями начала XX века. По определению А. Архангельского, «бунинский

художественный строй, изначально определившийся, не был признан разрушить традицию или развить ее: он был призван ее завершить» [Архангельский 1991:10]. Завершение одних литературных традиций всегда предполагает начало новых. Определение творчества Данте как окончания Средневековья и начала Возрождения позволяет провести аналогию с творчеством Ивана Бунина, с именем которого связано художественное и идейное подвижничество русской классики XIX века, завершившее свой исторический цикл.

Предметом нашего исследования является небольшое произведение Ивана Бунина «Гегель, фрак, метель», жанр которого сложно определить в силу его бессюжетности, мощной эмоциональности авторского голоса, полемичного характера повествования. Речь идет о дневниковой прозе, сродни «Окаянным дням» – одному из самых трагических описаний русской смуты начала XX века. Произведение «Гегель, фрак, метель» является логическим продолжением записей 20-х годов, хотя и написанное в 1940-х годах, через два десятилетия после исторических событий, однако настрой на неприятие произошедшего на родине остался неизменным. Писатель непоколебим в своем отношении к военным переворотам любого толка, и свою миссию он видит в противостоянии бесовским силам, поправшими многолетние устои и идеалы целой страны. Именно Бунин сформулировал высокую и сложную миссию эмиграции – выстоять «сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющую в России, но претендующего на мировое владычество» [Бунин 1991: 326]. Место писателя в этом противостоянии – одно из самых первых в силу идейной убежденности и художественной страстности. Такое единство творческих и мировоззренческих принципов И. Бунина доказывает его право на звание последнего русского классика, достойно закрывшего извечный спор предшественников о народной дубине, русском бунте, о непротивлении злу насилием. Последним доводом в этом бесконечном споре можно считать художественный документ памяти писателя – «Гегель, фрак, метель».

Три слова названия, абсолютно не связанные логично и представляющие имя философа (Гегель), аристократический наряд (фрак), имеющую богатый литературный ореол стихию (метель),

дают установку на нечто несуразное, эклектическое или, напротив, загадочно связанное философскими силлогизмами единство, смысл которого прояснится в ходе чтения. Начальный эпизод доказывает первое. Имя Гегеля, употребленное большевиком-журналистом для оправдания бессмысленных жертв, в очередной раз подтверждает «лицедейство» новой власти, которое в «Окаянных днях» описано в различных проявлениях: от нововведенного календаря и правописания до лозунгов, поступков, главных фигур власти. Резкие, убийственные характеристики писатель дает Ленину и Луначарскому, не обходит вниманием коллег по писательскому ремеслу – Маяковского, Есенина, Брюсова, Алексея Толстого, которые воспевали гибель страны, укрепляли веру в правильность новой истории. «Что разумно, то действительно и что действительно, то разумно» [Гегель 1934: 15], – так звучит тезис Георга Гегеля, открытый для объяснения связи разума, природы и духа. Общипанные павлины абсолютно не вписываются в эту формулу, а если и вписывается – то только в качестве примера отрицания всей гегелевской триады.

Все последующее повествование – это построенное по принципу градации подтверждение абсурдности всех аргументов новой жизни в России, где ключевыми образами стали образы фрака и метели – такие же извращенные символы старого мира, как и аргумент из классической немецкой философии. Используемый в названии асиндетон наращивает дополнительные смыслы за счет ассоциаций, сопоставления, недоговоренности, которые вступают во взаимодействие (в анализируемом случае – в противопоставление), поскольку у данных образов нет логической связи вне контекста.

Повествование в произведении строго документировано, что подтверждает близость жанра к дневниковой прозе. Речь идет о событиях 1920 года, когда И. А. Бунин и В. Н. Муромцева жили в Одессе, а затем, оставив Россию, прошли путь из Турции в Болгарию, в Софию. Спутники по нелегкому путешествию Черным морем писатель А. М. Федоров и художник П. А. Нилус убедили чету Буниных остаться в Балканских странах. Выбор остановился на теплой Болгарии, где русских эмигрантов поселили в гостинице «Континенталь». Можно только предполагать, как обрадовало

внимание болгарских властей русских беженцев, среди которых были представители всех возрастов, сословий, служебных и общественных положений. В Болгарии для Бунина жизнь началась с приключений: он был начисто обворован и остался без средств к жизни. При этом похищены были три золотые медали, полученные им от Академии наук вместе с Пушкинской премией. В то же время судьба, писал Бунин, оказалась «удивительно великодушна: взяла с меня большую взятку, но зато спасла меня от верной смерти». В театр «Одеон», куда он был приглашен — в первые ряды — на лекцию известного тогда журналиста И. Я. Риса, во время которой произошел взрыв под сценой театра, он опоздал [Бабореко 2004].

Сведения о пребывании писателя в Софии сохранил болгарский писатель, литературовед и переводчик Стилиян Чилингилов, лично принимавший русских эмигрантов в те далекие 20-е годы. Воспоминания С. Чилингилова дополняют авторское повествование и помогают восстановить стереоскопичную картину первых дней эмиграции Буниных. Особенно ценными являются комментарии, раскрывающие имена, места и атмосферу встреч, что позволяет узнать про общение с болгарскими писателями намного больше, чем в скупых строках произведения. В Болгарии И. Бунин познакомился с болгарскими литераторами: профессором Баяном Пеневым, который превосходно знал русскую литературу, и с его женой Дорой Габбе — известной поэтессой, восхищавшейся талантом Бунина, а также с Александром Дмитриевичем Дзивговым.

Встречи Бунина с болгарской интеллигенцией С. Чилингилов описывает в подробностях, отмечая выражения лица, жесты, интонации Бунина. Зная о сдержанности характера Бунина, его нелюбви к публичности, к тому же учитывая сложный психологический момент расставания с родиной, можно предположить, что писатель не был расположен к литературным беседам. Однако искренняя заинтересованность литераторов в его творчестве, собственноручно сделанные переводы его стихов на болгарский язык сделали свое дело. Отношения сложились более чем дружественные. Кульминацией стал вечер в корчме переводчика Георги Шаханова. Вот как запечатлел это сам И. Бунин: *«За несколько дней до нашего отъезда из Софии я был, в числе*

некоторых прочих, приглашен в гости, на вечернюю пирушку к одному видному болгарскому поэту, содержавшему трактир, и там просидел почти до рассвета, – ни хозяин, ни военный болгарский министр, бывший в числе приглашенных, ни за что не отпускали меня домой, министр даже кричал на меня в избытке дружеских чувств:

– Арестую, если вздумаете уходить!» [Бунин 1991: 307].

Встречи и беседы Бунина с болгарскими писателями и интеллигентами его ободрили, но неопределенность положения и статус изгнанника давили на него тяжким грузом. Профессор Боян Пенев направил почетному академику И.А. Бунину предложение занять профессорскую кафедру в Софийском университете, но Иван Бунин отказался, он не остался в Болгарии, как это сделал его друг писатель Александр Федоров. Причину дальнейшего странствия писателя с психологической и практической стороны деликатно объяснил Стилиян Чилингилов: «Бунин не только не согласился читать лекции, но и остаться на нашей родине. Болгария ему казалась маленькой, незначительной. И хорошо он сделал, что уехал. Из Франции, особенно из Парижа, его могли лучше видеть. Мне хочется допустить, что если бы он остался у нас, то не был бы удостоен Нобелевской премии, которую получил позднее после своего отъезда...» [Чилингилов 1933].

Почему Бунин вспоминает о Болгарии в своих раздумьях о России? Этот эпизод словно выпадает из общего асиндетона, состоящего из слов «Гегель», «Фрак» и «Метель». Возможно, что повышенная требовательность к правдивости, документальности воспоминаний, стремление воссоздать все увиденное, пережитое, прочувствованное добавили в произведение болгарские страницы, где перемешалось дружественное расположение и наглый обман-ограбление, внимание коллег и бюрократические проволочки. С другой стороны, события в Софии, которая была под французской оккупацией, равно как и в Стамбуле и Париже, были не простыми в жизни писателя, иногда трагическими, но не такими абсурдными, как новая жизнь в России. Следует добавить еще и психологическое ощущение себя бездомными эмигрантами и «в некотором роде тоже весьма ощипанными павлинами».

Образ фрака и метели связан с изображением жизни в России после эмиграции. Это отрывочные фрагменты новой жизни, которая черпалась из писем от родных и знакомых. Страшные факты унижений, физических и душевных мук, методического уничтожения интеллигенции:

– *Та знаменитая артистка, о которой я тебе писал, умерла. Умирая, лежала в почерневшей от грязи рубашке, страшная, как скелет, стриженная клоками, вишивая, окруженная докторами с горящими лучинами в руках.*

– *Был у старухи княжны Белозерской. Сидит в лохмотьях, голодная, в ужасном холоде, курит махорку.*

– *Я задыхался от бронхита, с великим трудом добыл у знакомого аптекаря какой-то мази для втирания в грудь. Раз вышел в нужник, а сосед-старичок, следивший за мной, вбежал ко мне и стал пожирать эту мазь: вхожу, а он, весь трясясь, выгребает ее пальцами из баночки и жрет. [Бунин 1991: 311].*

С особой душевной болью Бунин пишет у судьбах родных братьев и сестры, умерших в нищете при большевиках. С судьбой старшего брата, ютившегося в мужицкой избе, связан образ фрака – новый символ-образ абсурдности жизнеустройства. Брат ради куска хлеба писал портреты на заказ новых хозяев жизни. Бывший звонарь и босяк Васька Жохов заказал свой портрет во фраке и цилиндре, доставшимися ему с разграбленной барской усадьбы. Фрак, подчеркивавший в прошлом не просто статус в обществе, а особую торжественность случая, праздничность и изысканность, одетый на босяка Ваську имеет тот же смысл, что павлины, лишившиеся своих прекрасных перьев. Это своего рода метафорическая гипербола переустройства, двойное превращение. Одевание-раздевание как метафора революционных преобразований осталось лишь внешним лицедейством, не затронувшим сути внутренней. Павлины и оципаные остались павлинами, а Васька во фраке стал разве карикатурой на Георга Гегеля. Фрак ассоциативно вызвал в авторской памяти стихи Александра Блока: *Древний образ в черной раке, / Перед ней подлец во фраке, / В лентах, в звездах, в орденах...* [Бунин 1991: 314].

Широко известный образ блоковский метели – символ революции – после приведенных реальных результатов звучит кощунственно. Бунин беспощаден к декадентским красотам Блока, вспоминая «лиловые миры», «серый пурпур Серебряной звезды», «перламутр и аметист метели». Искусственной модернистской метели Бунин противопоставляет образ реального холода со снегом и ветром, от которого погибли его родные и еще тысячи таких же безвинных душ. Своих собратьев по перу Бунин не щадит, он критикует их за лицемерие, продажность, за отсутствие категорического императива, который не позволяет переходить за границу моральных принципов, названные Гегелем соединением разума и духа.

Заключительной частью произведения служит обширная цитата из рецензии на роман Л. Толстого «Анна Каренина», в которой в угоду пролетариям во фраках сюжет пересказывается на понятном товарищам языке. Бунина это приводит в полное недоумение, вызывает негодование по поводу быстрого перекрашивания бывших братьев по перу. В то же время писатель проводит аналогию с литераторами-народниками, с которыми не раз сводила его судьба и взгляды которых одно время он разделял. По мнению автора, именно они подготовили почву для подобного творчества: «Это пример того, до чего договариваются некоторые в предреволюционные и революционные времена. В шестидесятых годах, да и в семидесятых, не один болван, ненавидевший «фрак», тоже договаривался до чудовищных нелепостей» [Бунин 1991: 315].

Финал произведения «Гегель, фрак, метель» еще раз подтверждает бескомпромиссную позицию Ивана Алексеевича Бунина, завершившего многолетний литературный спор об историческом пути России. Обвинения (кто виноват) и поиски выхода (что делать) чаще всего вели к призывам кардинально переустроить общество. Предупреждения о бесовстве и шариковщине были значительно слабее на фоне ярких и шумных образов революционного ветра и метели. Классическая литература сыграла в этом свою роль, подготавливая «бессмысленный и беспощадный бунт» ненавистью к «фракам», призывами к бурям и метелям. Искупать и отмаливать этот грех первым стал Бунин,

наименее в нем виновный. Он до конца испил чашу изгнанничества, не изменил стоического неприятия, оставаясь верным творческим принципам, сродни излюбленной Розе Иерихона, таящей красоту в живительной влаге памяти и любви.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский 1991 – *Архангельский А.Н.* Последний классик. Очерк об И.А. Бунине // Бунин И.А. Избранное / Сост. и вступ. А.Н. Архангельского]. М. : Молодая гвардия. 1991. – 318 с. (Русские писатели – лауреаты Нобелевской премии).

Бабореко 2009 – *Бабореко А.К.* Бунин : Жизнеописание. М. : Молодая гвардия. 2009. – 455 с.

Бунин 1991 – *Бунин И.* Окаянные дни: Неизвестный Бунин / Сост., пред. и комм. О. Михайлова. М. : Молодая гвардия. 1991. – 335 с.

Гегель 1934 – *Гегель Г.В.Ф.* Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII. М.-Л. : Соцэкиз. 1934. – 384 с.

Ничипоров 2003 – *Ничипоров И.Б.* «Поэзия темна, в словах невыразима...». Творчество И.А.Бунина и модернизм. М.: Метафора. 2003. – 256с.

Силантьева В.И. Художественное мышление переходного времени (русская литература и живопись конца XIX-начала XX столетий). Одесса : Астропринт. 2000. – 352 с.

Чилингиров 1933 – *Чилингиров С.* Иван Алексеевич Бунин в Болгарии // Литературенъ гласъ. – София. 1933. № 210 (26 нояб.).

Хуан Шицзэн
Факультет иностранных языков и литератур
Университета Цинхуа
Пекин, Китай

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА В КИТАЕ

Аннотация: В данной статье кратко описывается распространение русской и советской литературы в Китае. М. Шолохов является любимым писателем китайских читателей. Перевод шолоховских произведений с русского языка на китайский стал появляться в начале XIX века и до сих пор все еще совершенствуется. Изучение шолоховского творчества продолжается и в наши дни.

Ключевые слова: русская советская литература, перевод произведений Шолохова

Huang Shizeng
Faculty of Foreign Languages and Literatures
of the University of Tsinghua
Beijing, China

THE WORKS OF M. SHOLOHOV IN CHINA

Abstract: This paper is intended to give a brief description of spreading Russian and Soviet literature in China. M. Sholohov is a favourite writer of Chinese readers. Translation of the works of M. Sholohov from Russian to Chinese appeared at the beginning of XIX century and it is still being perfected up to now. The study of Sholohov's works is continued to our days.

Keywords: Russian Soviet literature, translation of Sholohov works

Русская и советская литература занимает особое место в литературной истории Китая. Она имеет большое значение для китайского народа. Произведения русской советской литературы оказывали глубокое влияние на китайских писателей. Мастера русской и советской литературы оказывали огромное идейно-художественное воздействие на творческое развитие китайских мастеров слова.

Русская литература выражала настроения народных масс, была народной по своему духу. Эта народность русской литературы особенно близка к китайскому народу. Китайский писатель Лу Синь относился к русской литературе с исключительным уважением. Жизнь и творчество Лу Синя были тесно связаны с русской литературой. Он считал русскую литературу «учителем и другом» китайского народа и с беспредельной энергией распространял в Китае произведения русских и советских писателей, знакомя с ними миллионы китайских читателей.

Русская литература начала появляться в Китае в конце XIX века, она встретила сочувственный отклик у китайских читателей и получала все более и более широкое распространение. С произведениями русских писателей китайская интеллигенция познакомилась впервые по английским и немецким переводам. В 1903 году в Китае была издана одна из повестей Пушкина, которая в переводе называлась «Повесть о Марии». В 1907 году на китайском языке появился роман «Герой нашего времени» Лермонтова. В 1914 году был издан роман «Воскресение» Л. Толстого. Вслед за тем в 1917 году был опубликован его роман «Анна Каренина». После «Движения 4 мая» 1919 года произведения Л. Толстого, И. Тургенева, А.Чехова, М. Горького и других русских писателей стали систематически переводиться с русского языка и были восторженно встречены китайскими читателями.

Советская литература продолжает прекрасные традиции русской классической литературы. Вместе с возрастающим влиянием русской культуры завоевывало твердые позиции в Китае и творчество советских писателей. Среди них А. Фадеев, В. Серафимович, Д. Фурманов, Н. Островский, М. Шолохов получили наибольшую известность в Китае. Крупными писателями и переводчиками переведены произведения: «Разгром» Фадеева, «Железный поток» Серафимовича, «Чапаев» Фурманова, «Как закалялась сталь» Островского, «Тихий Дон» Шолохова и многое другое.

М.А. Шолохов – один из любимых китайским народом советских писателей. Он пользуется большой известностью и любовью среди широкого круга китайских читателей. Шолохов

хорошо известен в Китае потому, что он не только оставил народам мира такое ценное литературное наследие, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», но и своим литературным творчеством оказал большое воздействие на развитие литературы и культуры Китая.

В начале XX века Лу Синь впервые обратил внимание на произведение Шолохова. Как только в 1928 году была опубликована первая часть «Тихого Дона» в советском журнале «Октябрь», он сразу же в следующем году поручил переводчику Хэ Фэю ее перевод. Уже в 1930 году в Китае вышла первая часть «Тихого Дона», переведенная Хэ Фэем с немецкого языка. В редактировании этого перевода принял участие Лу Синь. Он же написал и послесловие к этому изданию. В своем послесловии он высоко оценил «Тихий Дон» как новую литературу, наполненную движущей силой. В 1932 году Лу Синь выпустил в свет сборник произведений советских писателей, в который он включил первую часть перевода «Тихого Дона». Лу Синь сыграл большую роль в популяризации произведений Шолохова в Китае.

Роман «Тихий Дон» занимает особое место в истории русской советской литературы. Почти пятнадцать лет жизни и упорного труда отдал Шолохов его созданию. М. Горький видел в романе воплощение огромного таланта русского народа. Шолохов – прославленный мастер слова. Великолепно мастерство его в искусстве пейзажа. Пейзаж в его романе очеловечен, он помогает раскрыть чувства и настроения героев, передать их отношение к происходящим событиям. Писатель умело использует народное творчество: пословицы, поговорки, сказки, старинные казачьи песни. В 1965 году за этот роман, за его художественную силу, М.А. Шолохов был удостоен Нобелевской премии по литературе. В своей речи во время церемонии награждения Шолохов сказал, что его целью было «превознести нацию тружеников, строителей и героев». Шолохов – художник реалистического толстовского направления, люди сравнивают его «Тихий Дон» с романом-эпосом Л. Толстого «Война и мир».

Перевод четырехтомного романа «Тихий Дон» с русского языка был выполнен лучшим переводчиком Цзинь Жэнем в 1941 году,

затем этот перевод неоднократно переиздавался и в 1949 году вышло восьмое издание на китайском языке. К этому изданию Цзинь Жэнь написал послесловие и тем самым помог читателям лучше понять содержание этого романа. Затем он же отдал почти три года переработке своего перевода «Тихий Дон» по советскому новому изданию 1953 года, вследствие чего значительно повысилось качество перевода. Данный перевод Цзинь Жэня стал широко распространенным в Китае.

Не менее актуально в Китае и другое крупное произведение Шолохова – «Поднятая целина». В 1933 году в журнале «Правильный путь» были опубликованы отрывки «Поднятой целины» в переводе Лоу Ши. В 1936 году один за другим появились два перевода первой части «Поднятой целины», сделанные Чжоу Либо и Ли Хуном. Перевод Чжоу Либо, отредактированный Чжоу Яном, получил широкое распространение. Работа над переводом романа «Поднятая целина» оказала плодотворное влияние на творчество писателя Чжоу Либо. В 1948 году вышло его первое произведение «Ураган». Писательница Дин Лин в своей статье писала, что на произведениях Шолохова она училась писать о крестьянской жизни. В 1952 году роман «Солнце над рекой Сангань» Дин Лина и роман «Ураган» Чжоу Либо были одновременно награждены Советской государственной премией по литературе.

После образования Китайской народной республики в 1949 году произведения Шолохова в большом количестве переводились, переиздавались и перепечатывались. С 50-х до 60-годов «Тихий Дон» в переводе Цзинь Жэня и «Поднятая целина» в переводе Чжоу Либо были многократно перепечатаны. В 1959 году вышли «Донские рассказы» в переводе Цао Иня. Первого января 1957 года Шолохов опубликовал рассказ «Судьба человека». Несколько месяцев спустя, в марте и апреле того же года последовательно появились два перевода в разных литературных журналах. В сентябре вышла отдельная книга «Судьба человека» в переводе Цао Иня. В 1961 году и 1962 году была полностью издана «Поднятая целина», переведенная Цао Инем. Книги Шолохова издавались в Китае массовыми тиражами.

В 50-годы в китайских газетах и журналах были помещены десятки статей, посвященных творчеству Шолохова. В одной статье автор писал, что «Поднятая целина» являлась своеобразным руководящим пособием в проведении аграрных преобразований на территории Китая. Он также высоко оценил художественные достоинства книги Шолохова.

Знаменитый рассказ Шолохова «Судьба человека» является особым произведением. Перед читателем предстает не просто история жизни солдата, а судьба человека, воплотившего в себе типические черты русского характера. В рассказе видны истоки патриотизма, мужества и душевной стойкости главного героя Андрея Соколова. Большинство из китайских критиков считают рассказ «чарующим произведением» и находят в нем «поэзию, исполненную страстью жизни». Книга приобрела большую популярность среди широких масс китайских читателей.

Во время «культурной революции» в Китае многие китайские и зарубежные литературные произведения, в том числе и произведения Шолохова, подверглись грубой и несправедливой критике. На страницах печати были помещены критические статьи, в которых безосновательно обвиняли Шолохова в пропаганде «философии выживания» и «литературы предательства», напрасно нападали на его личность. Несмотря на такое абсурдное отношение к нему, Шолохов все еще проявлял большую симпатию к китайскому народу. Даже в годы ухудшения китайско-советских отношений Шолохов никогда ничего плохого не делал в отношении Китая. Обращаясь к одному из коллег, он ему сказал, что глубокие корни дружбы между советским и китайским народами неизменны, противоречия и трудности лишь временное явление. Китайский народ навсегда запомнит его душевные слова.

В конце 70-х годов произошли громадные изменения в Китае. По мере проведения реформы и открытости Китай снова открыл окно во внешний мир. Знакомство с зарубежной литературой и культурой стало восстанавливаться и развиваться. На фоне таких больших социальных и культурных перемен изучение жизни и творчества Шолохова в Китае вновь оказалось на подъеме.

В сентябре 1979 года в городе Харбин состоялась научная конференция по советской литературе, на которой большое внимание уделялось творчеству Шолохова. После конференции вышел сборник статей, в котором опубликованы статья Цзэ Шаншина («О важном и сложном романе «Тихий Дон»), статья Хэ Маоцзэна («О рассказе «Судьба человека») и другие. 6-10 сентября 1984 года в городе Кирлин состоялась первая конференция, специально посвященная творчеству Шолохова. После этого такие конференции по творчеству Шолохова проводились регулярно раз в три года. В 2005 году в честь столетнего юбилея М.А. Шолохова Даляньским университетом иностранных языков была организована научная конференция, посвященная жизни и творчеству Шолохова. Рассмотрение творчества Шолохова в разных аспектах дало возможность всесторонне и научно подойти к изучению произведений писателя. В Китае, пожалуй, ни один зарубежный писатель не привлекает к себе такого особого внимания, какое уделялось М. Шолохову.

С 80-х годов переводы произведений Шолохова в Китае получили значительные сдвиги. Были переведены непереуведенные ранние рассказы Шолохова. Все его рассказы и фельетоны были полностью переведены на китайский язык. Издательство «Народная литература» многократно переиздавало роман «Тихий Дон» в Китае.

В 1984 году был издан новый перевод «Поднятой целины», выполненный Цао Инем. Другие очерки, литературные публицистические статьи, речи и выступления писателя также были переведены на китайский язык и помещены в разных газетах и журналах.

Со времени 80-х годов, кроме опубликованных многочисленных статей о Шолохове на страницах печати, появились и книги, посвященные изучению Шолохова. Среди них более влиятельной является работа «Изучение Шолохова», составленная Сун Мэйлином. В данной работе содержатся оценки советских и зарубежных писателей о Шолохове, выступления и письма Шолохова о себе и о своем творчестве. В конце книги помещен список произведений Шолохова. Эта работа предоставляет китайским читателям и исследователям необходимый справочно-библиографический материал для осмысления и изучения творчества

Шолохова. Кроме данной работы, автору принадлежат еще две монографии: «Шолохов» и «Художественный мир Шолохова». Автор как серьезный исследователь отдала большую часть своего времени изучению писателя Шолохова, что редко бывает в литературном кругу. Другая книга «Изучение творчества Шолохова», написанная профессором Сюй Цзяжуном, была издана в издательстве «Ланчжуский университет», она служит учебным пособием для студентов и аспирантов филологических факультетов университета. Автор пытался также удовлетворить запросы преподавателей и исследователей советской литературы. В 2009 году вышла в свет новая книга профессора Пекинского университета Ли Юйичжэня «Легендарная жизнь М. Шолохова», которая знакомит читателей с малоизвестной историей из жизни писателя.

В честь столетнего юбилея М.А. Шолохова ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) объявила 2005-ый год Годом Шолохова. Народы всего мира по-разному выразили глубокое уважение и любовь к этому писателю. Китайское издательство «Народная литература» выпустило «Собрание сочинений М.А. Шолохова» (в восьми томах) в прекрасном переплете, для которого редакционная коллегия отобрала лучшие произведения автора. В первом томе содержатся 27 рассказов и повестей, в том числе «Родинка», «Путь-дороженька», «Пастух», «Лазоревая степь» и другие. Во втором, третьем, четвертом и пятом томах – роман «Тихий Дон». В шестом и седьмом томах – «Поднятая целина». В восьмой том вошли 70 очерков, статей, выступлений и 24 письма. Все публикуемые тексты в собрании сочинений были пересмотрены и отредактированы лучшими переводчиками страны. С радостью узнав о выходе в свет «Собрания сочинений М.А. Шолохова» в Китае, Светлана Шолохова, старшая дочь писателя, направила в редакцию издательства «Народная литература» благодарственное письмо. Более того, в последнее время она уже договорилась с китайским издательством о выпуске полного собрания сочинений М.А. Шолохова на китайском языке. Китайские читатели и исследователи с нетерпением и большим интересом ожидают его скорейшего выхода в свет.

Перевод шолоховских произведений – сложное и ответственное дело. Оно пока еще не полностью завершено, при этом публикуемые на китайском языке тексты произведений должны непрерывно совершенствоваться. Произведения Шолохова необыкновенно сложны и своеобразны, именно поэтому они привлекают к себе пристальное внимание критики. Дискуссии и споры по поводу критических оценок произведений Шолохова продолжаются и в наши дни. Результаты исследований шолоховского творчества до сих пор еще не полностью обобщены. Китайским читателям и исследователям предстоит более усердное и глубокое проникновение в произведения М. Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов, Гура 1958 – *Абрамов Ф.А., Гура В.В.* М.А. Шолохов. Семинарий. Ленинград: Учпедгиз. – 320 с.
Шолохов 1962 – *Шолохов М. А.* Сборник статей. Ленинград.
Якименко 1970 – *Якименко Л.* Творчество М.А. Шолохова. Москва. – 664 с.
孙美玲 «肖洛霍夫研究» 外语教学出版社 1982.
徐家荣 «肖洛霍夫的创作研究» 兰州大学出版社 1996.
何云波 «肖洛霍夫» 四川人民出版社 2000.
李毓榛 «肖洛霍夫的传奇人生» 北京大学出版社 2009.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галия Мултаевна Бадагулова
КазНИТУ им. К. Сатпаева
Алматы, Казахстан

ЭТНОНИМЫ «ХУННУ», «ГУННЫ» В РУССКОЙ РЕЧИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты исследования текстовых актуализаций этнонимов *хунну*, *гунны* в русской речи на протяжении трех столетий, выявлены типовые контексты, дискурсы и жанры, в которых актуализируются различные аспекты семантики

данных слов. В качестве основного источника материала используется Национальный корпус русского языка. Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию перехода из научных дискурсов к публицистическим. При этом в публицистических дискурсах Национального корпуса русского языка отражена восприятие гуннов русскоязычной личностью, и оно передается через употребление метафор и эпитетов с негативной семантикой. Тексты НКРЯ свидетельствуют о неоднозначной трактовке гуннской проблемы в русскоязычных источниках.

Ключевые слова: этноним, хунну, гунны, этническая идентификация, дискурсивный анализ, Национальный корпус русского языка, лингвокультурное восприятие

Galiya Badagulova

Kazakh National Research Technical University after K.I. Satpayev
Almaty, Kazakhstan

ETHNONYMS «XIONGHU» AND «THE HUNS» IN THE RUSSIAN DISCOURSE: THE CORPUS STUDY

Abstract: The article analyzes the ways and types of actualizations of the ethnonyms *Xiongnu* and *the Huns* in the contexts of Russian speech over three centuries period and identifies typical contexts, discourses and genres of their actualizations. As the main source of the material used in the article are the Russian National Corpus and dictionaries data. The analysis of textual actualizations according to the Russian National Corpus identifies the rise and the decay of interest in the topic of the Huns. General genre-temporal dynamics shows the tendency of transition from scientific discourse to journalistic discourse. In this respect, journalistic discourses of the Russian National Corpus reflect the perception of the Huns by Russian-speaking people, and they are transmitted by using metaphors and epithets with negative semantics. Texts of the Russian National Corpus testify the ambiguity of interpretations of issues about the Huns in the Russian-language sources.

Keywords: ethnonym, Xiongnu, Hun, ethnical identity, discourse analysis, Russian National Corpus, linguocultural perception

Постановка проблемы. Объектом исследования в данной статье являются этнонимы *хунну*, *гунны* (*хунн*, *гунн*, *хуннский*, *гуннский*), актуализованные в русской речи. Этнонимы составляют особый разряд исторической лексики; это названия различных видов

этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и т. п. [Лингвистический энциклопедический словарь 1990].

Предмет анализа – это способы и типы актуализации в контекстах русской речи этнонимов *хунну*, *гунны* на протяжении трех столетий, выявление типовых контекстов, дискурсов и жанров, в которых актуализируются различные аспекты семантики данных слов. В настоящей статье мы представляем результаты исследования текстовых актуализаций этнонимов *хунну*, *гунны* в русской речи. Мы анализируем контексты, в которых они были употреблены, и те смыслы, которые были важны в данных контекстных актуализациях.

Лингвистический анализ функционирования в речи этнонима направлен на выявление: 1) состава специфических текстовых позиций этнонима в речи; 2) дискурсивной и жанровой принадлежности текстовых актуализаций этнонима; 3) динамики актуализации этнонима в разных дискурсах и жанрах на протяжении трех последних столетий

Комментирование результатов лингвистического анализа учитывает: 1) характер распространения этнонима, его актуализаций в текстах разных типов и жанров, который рассматривается как показатель интереса (или отсутствия такового) в обществе к именуемому лексемой этносу, аспектов восприятия этноса и его субъектов в исследуемой лингвокультуре; 2) варьирование дискурсивной и жанровой актуализаций.

Методы анализа, материалы и источники. В работе в качестве основного источника материала, предопределяющего методы и подходы, нами используется Национальный корпус русского языка [Национальный корпус русского языка 2016]. Обращение к данному источнику в качестве основного объясняется тем, что Корпус характеризуется *сбалансированностью и репрезентативностью* текстового материала. Репрезентативным считается корпус, если его текстовый объем превышает 100 млн словоупотреблений, что позволяет выявлять не только наличие языковой единицы в текстовых актуализациях, но и данные об ее относительной частотности. Объем НКРЯ на дату обращения к его материалам при проведении исследования составил более 600 млн

слов. Это позволило выявить с большой степенью достоверности относительную частотность использования этнонима и его различных позиций, смысловых актуализаций в русской письменной речи.

Сбалансированность НКРЯ относительно представления письменных форм русского языка подтверждается тем, что он «содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.) и все тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода» [НКРЯ 2016]. Данное свойство Корпуса предоставило возможность сделать выводы о дискурсивной и жанровой специфике актуализации исследуемого этнонима

Национальный корпус русского языка включает письменные тексты XVIII — начала XXI века, что явилось основой определения динамики функционирования этнонима в речи на протяжении трех столетий. Наличие в метаразметке корпуса жанровой, временной, дискурсивной дифференциации текстов позволило нам выявить соответствующие параметры функциональной специфики этнонима.

В исследовании были использованы лингвистические методы анализа семантики: дистрибутивный и компонентный анализ для выявления комплекса актуализируемых смыслов исследуемого этнонима в текстах разной жанровой отнесенности. При этом мы следовали данным метаразметки корпуса. При исследовании функционального аспекта этнонима сочетали качественный и количественный приемы анализа. Диагностически значимым является параметр относительной частотности актуализаций этнонимов *гунны*, *хунну*, *гуннский*, т. е. их отношения ко всему составу лексем корпуса, а также отношение частотности выявленных текстовых позиций, смыслов, жанровой и дискурсивной принадлежности единиц к общему числу актуализаций этнонимов *гунны*, *хунну* в корпусе.

Анализ данных Национального корпуса русского языка. Далее рассмотрим, по данным НКРЯ, как рефлексировается этнонимы в русской речи, в каких контекстах и с какими смыслами

актуализируются. Обращение к материалам НКРЯ свидетельствует о небольшой частотности использования этнонимов *гунны(гунн)*, *хунну* (*хунны*, *хунн*) и производных от них прилагательных *гуннский* и *хуннский* в русской речи.

При общем количестве слов корпусе 265 401 717 слов (на время обращения 19.01.2016) количество актуализаций этнонимов *гунны*, *хунны* и *хунну* в его разных значениях – 612 вхождений.

При этом контексты позволяют выделить: I. Типичные актуализируемые позиции и смыслы; II. Типичные дискурсы и жанры; III. Изменения в направленности актуализаций смыслов во времени

Этноним *хунну* и производное от него прилагательное *хуннский* имеет 62 вхождения. Типичные актуализируемые смыслы и позиции - это позиции и смыслы, когда *хунну* рассматривается как кочевая держава, кочевой народ, кочевые племена, название государства: *Такого царства еще не было с древнейших времен, когда мир завоевали наши предки, кочевые племена хунну. Василий Ян. Чингизхан (1939); Хань и Хунну суть два смежные и равные государства. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (1851).*

Если рассмотреть актуализацию этнонима во временном плане, то надо отметить, что частое употребление данного этнонима относится к пятидесятым годам 19 века и к периоду 1994- 2013 г.г. В 19 веке этноним употреблен в книге Н.Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (19 вхождений). Весьма интересным для данного источника является употребление этнонима в контексте Дом хунну: *Сим образом один и тот же народ под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга — дулгасцами; под Домом Монгол назвался монголами, и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой либо Дом покорит его и сообщит ем свое, другое народное, название. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (1851).*

С 1994 по 2013 г.г. этноним употребляется 18 раз. Эти актуализации относятся к этнической и языковой идентичности *хунну* и являются названием одноименного труда Л.Н.Гумилева:

Тюркоязычной державы Хунну больше нет: совсем недавно её разгромил монгольязычный вождь народа сяньби Танишхай. (Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание -- сила», 2003); Сегодня приехал Лева — у него вышла книга «Хунну». Эмма Герштейн. Книга жизни (1994).

Этноним *хунну* употребляется и в форме *хунн* у Н. Бичурина. В «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». (2 вхождения): *Ши Лэ родом был хунн сделался полководцем, в 330 году объявил себя императором. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (1851); Танъи-фу родом был хунн, искусно стрелял из лука. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (1851).* Этноним *хунн* актуализирован только в значении «он-идентичность».

Прилагательное *хуннский* в НКРЯ встречается лишь два раза: «...когда **хуннский** шаньюй Модэ одолел ханьского императора Лю Бана и добился равноправных отношений между Китаем и Стёпью»; . «Дух пришлых Хуннских народов напластовывается на дух потомков древних ариев в плавильных котлах первых двух **хунну-гуннских империй**». (Виктор Шнирельман. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // «Неприкосновенный запас», 2009).

В отличие от этнонима *хунну* и производного от него *хуннский* лексема *гунны* (*гунн*), *гуннский* в НКРЯ обладают большей частотностью: 336 актуализаций. В системе метаразметки НКРЯ противопоставляются учебно-научная, художественная, и публицистика, электронная коммуникация. Не отмечены контексты *гунны*, *гуннский* в официально-деловой, производственно-технической речи и рекламе. Безусловно, сфера преимущественного функционирования этнонимов *гунны*, *гуннский* – публицистика (92 вхождений), второе место занимает художественная, затем учебно-научная.

При исследовании временной динамики обращает на себя внимание тот факт, что интерес к гуннам в русскоязычной науке и публицистике, художественной литературе всегда имел место, то снижаясь, то возрастая. Зафиксированный в Национальном корпусе

русского языка самый ранний контекст относится к 1754-1758 гг. Это фрагменты текста из «Древней российской истории» М. В. Ломоносова (3 примера): *По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к Северному морю прилежащих, то есть из Сибири и из земель. Довольно явствует из Прокония, который пишет, что около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабири, и другие племена гунские. . Из сих мест вышел, гунны именовались разны: гунны, авари, по-русийски угры и обри, протекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и нахождениях в Паннонии или в Венгрии поселились.*

Этноним стабильно актуализируется в периоды 1803-1818 гг., обнаружено 9 контекстов. Это «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Он также, как и предыдущие дискурсы М.В. Ломоносова принадлежит к научному. Все последующие актуализации вплоть до 1860 года относятся не только к научному дискурсу, но и к художественному (историческая проза) и публицистическому (мемуары). Это работы Н.М. Карамзина, А. Ф. Вельтмана, Ф. В. Булгарина, Д. И. Иловайского, посвященные русской истории. Это упоминание гуннов в «Вестнике Европы» (Из Гиббоновой истории об упадке и разрушении Римской Империи // «Вестник Европы», 1811).

Эти актуализации, в том числе и контексты М.В.Ломоносова, интересны тем, что в них наряду с этнонимом *гунны* употребляются этнонимы угры, югры, финские племена. Если у М.В. Ломоносова гунны и угры употребляются как синонимы, т.е. гунны *«по-русийски угры»*, то для Д.И.Иловайского и Ф.В. Булгарина гунны и угры – это разные этнонимы, а для Булгарина «древние югры, или угры, и гунны были, без сомнения, финские племена».

Частота употребления этнонима увеличивается к 1876 году и актуализируется этноним в 183 контекстах. Д.И. Иловайский в книге «Начало Руси» называет *гуннов* то болгарами или славянами, то монголами или татарами, и в конце автор пишет: *«Таким образом, гунны Валамира и Аттилы, которых источники описывают во многих отношениях великим и замечательным племенем, представлявшим сплошную однородную массу, оказываются на*

основании предположений и вероятий каким-то сбродом разных туранских элементов, точнее сказать, какими-то бесплотными тенями; хотя эти тени никуда не исчезали и продолжали жить в разных славянских народностях, особенно в болгарах.... Ясно, что под именами Гуннов и Массагетов скрываются в данных случаях все те же Славяне-Болгаре. (Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876). В поздних контекстах Национального корпуса русского языка (2012 г.) гунны как этнос ассоциируются также с славянами: Разумеется, Прокопий и Иордан не были этнографами, да и этнография была другая, по Прокопию, славяне и анты, скорее, гунны. (коллективный). Форум: Хронология противостояния славян и Византии, 6 — 7 вв (2012).

Этноним активно употребляется в русской публицистике. Самая первая актуализация в публицистике относится к 1789 году, где гунны и венгры как этнос относятся к азиатским народам, уточняется, что они назывались скифами, а теперь (1789 г.) татарами. В контексте П.А.Левашова указана территория их изначального обитания (Туркестанская область). В конце 18 века Туркестанской областью считалось территория нынешних государств Казахстана и Узбекистана: *«азиатский народ, принадлежавший ... как и венгры к великому племени, которое в древние времена скифским нарицалось, а ныне татарским именуется, изшед из страны, сопредельной Каспийскому морю, где Туркестанская область,... . П. А. Левашов. Цареградские письма (1789).*

Как писал Ф. Барт, этничность – это форма социальной организации культурных различий. «Этническая граница», которая определяет группу, как объект изучения важна не менее, чем содержащийся в пределах этих границ культурный материал. Важнейшим аспектом при определении этнической группы является самокатегоризация или категоризация другими [Ed. F. Barth 1969, s. 105].

Обычно признаками этноидентичности называют биосферу (ландшафт, экосистему), расово-антропологические черты, язык, менталитет (стереотипы, обычаи, поведение), быт (особенности одежды, кухни, оформления жилища), мифологию (систему ценностей).

Контексты Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что хунну (гунны) занимали довольно большую территорию, которая характеризуется разнообразием ландшафта и экосистемы: 1) они обитали в Центральной Азии (*Хунну — гунны, жившие в Центральной Азии ...* .(Василий Ян. Чингиз-хан. (1939); 2) пришли «из-за Дона и Волги» (*Потом в стране скифов появляются новые кочевые народы, пришедшие из-за Дона и Волги; они частью недолго остаются здесь и уходят далее на запад, таковы гунны, авары и угры.* (Д. И. Иловайский. Краткие очерки русской истории (1860); 3) гунны с востока, из Приуралья (*Дело в том, что с востока, из Приуралья, двигались гунны.* (Наталья Басовская. Рождение Средневековья // «Знание - сила», 1997); 4) гунны из Китая (*Гунны, народ кочующий, от полуночных областей Китая* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803-1818). Территория обитания гуннов находилась в Азии, конкретно, между Каспийским и Северными морями. Они были из Сибири: *По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к Северному морю прилежащих, то есть из Сибири и из земель.* (М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты. 1754-1758).

Заметно, что контексты Национального корпуса русского языка весьма противоречивы в определении территории обитания гуннов. По контекстам НКРЯ можно судить о том, что гунны распространили свое влияние от прибайкальских степей до Дуная, а, по свидетельству М. Ломоносова, «через Дунай вовнутрь Греции»: *Из сих мест вышел, гунны именовались разно: гунны, авари, по-русски угры и обри, протекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и находениях в Паннонии или в Венгрии поселились.* (М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты. 1754-1758); *Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии, или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи — и скоро изгладилась следы ужасного бытия гуннов.*(Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803-1818); Довольно явствует из Прокопия, который пишет, что

около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабири, и другие племена гунские. (М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты. (1754-1758).

Расово-антропологическая характеристика гуннов в Национальном корпусе русского языка также неоднозначна:

- гунны – это тюрки: *Выходит, что и гунны были тюркам;*
- гунны – не тюрки: *Но тут надо оговориться: есть и другая точка зрения — будто бы гунны все же не тюрки. [И. Никифоров. Волосы гуннов преподносят сюрпризы // «Химия и жизнь», 1970);*
- гунны - угры: *Из сих мест вышел, гунны именовались разно: гунны, авари, по-русски угры и обри,(Ломоносов);*
- гунны – хазары: *То есть то ли гунны, осевшие в этих местах, стали именоваться хазарами, то ли ещё какая напасть случилась. (Герман Садулаев. Таблетка .2008);*
- гунны – скифы: *Впрочем, последнее название пережило Гуннов, и сами Гунны нередко в источниках называются Скифами. [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876)];*
- гунны - Акациры, Буругунды, Кутургуры, Савиры, Сарагуры: *У византийских и латинских писателей под общим или родовым названием Гуннов встречаются многие видовые имена: Акациры, Буругунды, Кутургуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр. [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876)*
- гунны – финские племена: *Гунны, по мнению многих ученых, будто бы составляли одно из племен Восточно-финской или Чудской группы и принадлежали к ее Угорской ветви. [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876). Древние югры, или угры, и гунны были, без сомнения, финские племена. Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846-1849);*
- гунны - это славяне: *«Гунны иначе Склавины», выражается Кедрин, рассказывая об их нашествии на Фракию в 559 г. Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876).*

Неоднозначность характеристики гуннов в плане их этнической принадлежности отмечена и в контекстах Национального корпуса русского языка: *А по волосам можно определить, к какому народу принадлежали гунны, ибо исторические сведения о их*

происхождении смутны и противоречивы. (И. Никифоров. Волосы гуннов преподносят сюрпризы // «Химия и жизнь», 1970).

Языковая принадлежность хунну в НКРЯ упоминается лишь один раз: *Тюркоязычной державы Хунну больше нет: совсем недавно её разгромил монголоязычный вождь народа сяньби Танишхай. (Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание -- сила», 2003).* О языке гуннов также мало информации: место слова «гуннский язык», «гуннский закон» он нередко говорит «скифский язык», «скифский закон». Д. И. Иловайский. *Начало Руси (1876).*

В качестве маркеров групповой идентичности гуннов в НКРЯ выступают такие социально значимые признаки, как быт (особенности одежды, кухни, оформления жилища) , система ценностей.

Во-первых, гунны - это кочевники: *Гунны, — сказал мне провизор Павел Гольдберг, — были кочевым народом, вроде киргизов. Максим Горький. В людях (1915-1916).*

По свидетельству Н.Карамзина, гунны как и угры, болгары, авары, турки были скотоводами, охотниками: *Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: гунны, угры, болгары, авары, турки — и все они исчезли в Европе, кроме угров и турков. Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том I (1803-1818).*

Жили гунны в юртах: *Помимо этого, символы, связанные с юртой, за которые мы продолжаем цепляться, слишком устарели, так как они использовались со времен гуннов. (Ирина Забнева. Нардепы уверены: все беды в стране от «неправильных» флага, герба и гимна // Комсомольская правда, 2011.05.03).*

Внешность гуннов в НКРЯ дана в двух контекстах, которые в некотором роде противоречивы: *Китайские хроники сообщают о многочисленных набегах со стороны кочевников, «рыжебородых дьяволов», с запада и севера тревоживших границы Поднебесной столь же настойчиво, как сарматы, аланы и гунны тревожили Римскую империю. (Ренат Темиргалеев. Золото бесстрашных воинов // «Зеркало мира», 2012); Ее черная беспечная стрижка была удобна для аэродромов, раскосый взгляд вечно шурился от непостижимого*

света, скульпы лукаво напоминали, что гунны действительно доходили до Европы. Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998).

В Национальном корпусе гунны идентифицируются как язычники: *Но в «Песни о нибелунгах» фигурируют не только христиане-бургунды, но и язычники-гунны. А. Я. Гуревич. Средневековая литература и ее современное восприятие (1976).*

Этноним *гунны* в публицистических контекстах начиная с конца 60-х годов 19 века употребляется в метафорическом и оценочном значениях, как то: 1) гунны – это варвары: *Сначала утучняли эту почву язычники-римляне и северо-восточные варвары — гунны, авары, готфы, ... [Ф. И. Буслаев. Римская вилла княгини З. А. Волконской (1895);* 2) дикие гунны: *Что мог сказать Лев Первый этому варвару, предводителю свирепых и диких гуннов? (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968);* 3) гунны – исчадие, угроза цивилизации: *Гунны, исчадие веков, злоецащая угроза колыбели великой цивилизации... победителями над этой побежденною силой пройдут они своим великим летным путем — от самого Парижа, через скифскую окраину Московии, до древних китайских границ. В. Г. Лидин. Волхвы (1927);* 4) большевики как гунны: *Да, большевики похожи на гуннов, но гуннов этих выносила и родила Европейская цивилизация. (Г. Л. Львов. Наши задачи (1919) // «Грядущая Россия», 1920);* 5) русские революционеры – новые гунны: *Русские революционеры — одновременно бледные эпигоны западных доктрин и новые гунны, люди пылающей крови, грозящей воспламенить весь мир. (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927);* 6) стальные гунны: *крикнул Влад. — Стальные гунны! — Мы полчища Гога и Магога! (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007);* 7) гунны – разрушители: *Следует заметить, что помимо культурно-исторических типов — этих «положительных деятелей» в истории, Данилевский уготовил этносам еще две возможные судьбы: быть разрушителями, как гунны, ... (Валери Хачатурян. Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика и противоречия (2003) // «Общественные науки и современность», 2003.04.30);* 8) гунны – дикари: *Всех, кто сошел на берег, встретили дикари, проживавшие в тех землях — гунны и пикты. (Юлия Капишникова. Бретань // «Пятое измерение», 2002)* 9) гунны – страшнее призрака

коммунизма: *Тут, брат, страх почище призрака коммунизма — наваятся гунны в неслыханном количестве и их сладкую жизнь в минуту изговняют!* (Михаил Ходаренок. *Зенитные ракетные страсти* // «Звезда», 2001); 10) бешенные гунны: *скакали куда-то по степи бешеные гунны — а на заднем плане вращалась стрелка огромных прозрачных часов.* (Виктор Пелевин. *Generation «П»*. 1999).

Выводы. Анализ количества текстовых актуализаций по данным НКРЯ выявляет нарастание и спады интереса к теме гуннов. При этом прослеживаются четко определяемые пики интересов к теме и спады, коррелирующие с характером прорабатывания смыслов в разных дискурсах и жанрах. Первая волна интересов — начало XIX в., вторая — семидесятые годы XIX в., третья — начало XXI в.

Учебно-научная сфера актуализации связана с выходом в свет фундаментальных трудов по истории Государства Российского Н. Карамзина. Вторая половина контекстов приходится на 1860-1880 гг. — это также историческая работа Д.И. Иловайского «Начало Руси», вышедшая в 1876 г. Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию к переходу из дискурсов научных к публицистическому. При этом в публицистических дискурсах Национального корпуса русского языка отражена восприятие гуннов русскоязычной личностью и оно передается через употребление метафор и эпитетов с негативной семантикой. Тексты НКРЯ свидетельствуют о неоднозначной трактовке гуннской проблемы в русскоязычных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

Лингвистический энциклопедический словарь 1990 - Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990; DVD версия. — М., 2008.

Национальный корпус русского языка 2016 - Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2016. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.02.2016).

Barth 1969 - *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences* / Ed. F. Barth. — Bergen : Universitetsforlaget; London: Allen & Unwin, 1969. — 153 p.

Денис Иванович Петренко
Ставропольский государственный педагогический институт
Ставрополь, Россия
Клара Эрновна Штайн
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия

ФИЛОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимодействия филологического и географического знания в индоевропеистике, геопоэтике, гуманистической географии, в семиотике (город как текст). Рассматривается современная геопоэтика, архитектура, архаическая символика с точки зрения коэволюционного подхода в процессе изучения географической среды, человека и его языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, филология, география, геопоэтика, коэволюция, архаическая символика, город как текст

Denis Ivanovich Petrenko
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
Shtain Klara Ernovna
North Caucasian Federal University
Stavropol, Russia

PHILOLOGY AND GEOGRAPHY

Abstract: The article is devoted to a research of interaction of philological and geographical knowledge in the field of comparative-historical linguistics, geopoetics, humanistic geography, semiotics (the city as the text). The modern geopoetics, architecture, archaic symbolics from the point of view of coevolution approach to studying of the geographical environment, the person, language is considered.

Keywords: linguistic culturology, philology, geography, geopoetics, coevolution, archaic symbolics, city as text

Филология — интегративное научное знание, основывающееся на взаимодействии лингвистики и литературоведения в контексте других форм научной рациональности: философии, психологии,

географии, лингвокультурологии, естественнонаучного знания. Это специфическая форма духовной деятельности, ориентированная на осмысление вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на литературу как вербальное искусство. Особенность подхода в современной филологии определяется постнеклассической парадигмой, ее междисциплинарными установками, когнитивной эволюцией, которая протекает не только в направлении абстрагирования знания, но и в контекстуальном его осмыслении, определяющем условия включения его в целостную структуру идей, которые помогают проверять правильность выдвигаемых гипотез. Лингвокультурологический аспект этого взаимодействия связан с ценностными ориентирами современного знания, которое направлено на преодоление жесткого разграничения между гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, с тем чтобы филология не осталась замкнутой в самой себе. Современные ученые считают необходимым воссоединение рассеянных знаний естественнонаучного и гуманитарного циклов с целью осмысления культуры, места человека в мире. Э. Морен в работе «Образование в будущем: семь неотложных задач» утверждает, что в естественнонаучное знание «необходимо интегрировать неопределимый вклад гуманитарного знания и культуры, не только философии и истории, но также и литературы, поэзии, искусства...», и наоборот, гуманитарное знание следует соотносить с естественнонаучным контекстом [Морен 2007: 45]. Филология, по Д.С. Лихачеву, — высшая форма гуманитарного образования, форма, «соединительная» для всех гуманитарных наук [Лихачев 1989: 186]. Главный критерий, который объединяет гуманитарные науки, — критерий гуманности, человечности, человеколюбия, не случайно их называют еще «науками о духе», потому что в основе построения языка и литературы как искусства средствами языка лежат красота, гармония — показатели связи всех сфер бытия человека, мира, космоса. Основная установка — гуманизация знания и ценностные ориентиры, связанные с пониманием литературы и языка как искусства, являющегося особой формой жизни, ее органической частью.

В последние десятилетия складывается особое направление в междисциплинарном изучении текста (текста в широком смысле:

ритуалы, образ жизни, город, страна и др.) — геопэтика. Его родоначальником в России считается Д.Н. Замятин — географ, культуролог, поэт. Основные работы Д.Н. Замятина: «Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии» (1999), «Метагеография: Пространство образов и образы пространства» (2004), «Культура и пространство: Моделирование географических образов» (2006), «Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы» (2008), — связаны с осмыслением географии в образах языка, литературы.

Более конкретный путь — изучение географического пространства и его поэтики по данным различных видов текста. Так, появились лингвокультурологические исследования, которые характеризуются как «Петербургский текст московской филологии», то есть работы о Петербурге, написанные московскими учеными. В первую очередь, это исследование В.Н. Топорова «Петербург и «петербургский текст русской литературы» (1993). Изучался и «московский текст» — «Москва и «московский текст» русской культуры» (сборник статей под ред. Г.С. Кнабе, 1998). Важную роль в становлении дисциплины геопэтики сыграла работа Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» (1992). Позже появились работы В.В. Абашева «Пермь как текст» (2000), А.П. Люсого «Крымский текст в русской литературе» (2003) и др.

За пределами России направления «география человека» («human geography») и «гуманистическая география» («humanistic geography») возникли раньше, в середине XX века. Дисциплина «география человека» направлена на изучение культуры, качества жизни, экономики, политики, туризма, развития городской среды человеческого общества в различных географических условиях, с учетом особенностей территории, климата, природной среды, геологической активности и т.д. Исследуются и художественные тексты. «Гуманистическая география, — по определению Й.-Ф. Туана (Y.-F. Tuan), профессора географии Миннесотского университета, — стремится к пониманию мира человека путем изучения взаимодействия людей с природой, их географического поведения, а также мира чувств, идей человека по отношению к месту его

проживания и ко всей планете» [Tuan 1976: 266]. В работе «Гуманистическая география» («Humanistic Geography») (1978) Й.Ф. Туан утверждает, что «гуманистическая география» должна при описании взаимодействия человека и природы учитывать достижения гуманизма, изучать «гуманистическую перспективу», то есть искусство, литературу, историю, философию как специфические формы человеческой деятельности, которые определяются географической средой и в то же время оказывают влияние на географическую среду. «Гуманистическая география... делает специальную установку на понимание того, как географическая среда, географическая активность в ней человека обнаруживает качество человеческих знаний» [там же: 267].

В коллективной монографии «Гуманистическая география. Перспективы и проблемы» («Humanistic Geography: Prospects and Problems», 1978), вышедшей под редакцией Д. Лея (D. Ley) и М.С. Сэмьюэлса (M.S. Samuels), активно разрабатываются вопросы повышения литературного уровня специальных работ географов, привлечения материала художественной литературы для географических исследований. В главе «Литература и география: Возможности литературы для географического исследования» отмечается: «Литература может послужить географии в трех главных направлениях. Как мысленный эксперимент, позволяющий выявить возможные виды человеческого опыта и формы отношений между людьми, литература предлагает географу направления исследований, например, социального пространства. Как артефакты она содержит образы географической среды, открывает перед географом культурные ценности. В этом случае, изучая литературу, географ применяет подходы интеллектуальной истории (истории идей). Наконец, свойственное литературе соединение субъективного и объективного взглядов в процессе познания мира может рассматриваться как образец, изучая который, географ получит возможность построить модель для синтеза в области географических исследований...» [Ley, Samuels 1978: 205].

Сейчас издается большое количество трудов, монографий по проблематике геопоэтики. Следует отметить сборники статей «Евразийское пространство: Звук, слово, образ» (под ред. Вяч.Вс.

Иванова, 2003), «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты» (2004). Составители сборника «Геопанорама русской культуры» А.Ф. Белоусов, В.В. Абашев, Т.В. Цивьян отмечают, что они изучают такие направления, как «текст пространства — пространство текста и текст времени — время в тексте». Проблематика сборника «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (2003) отображает круг вопросов, которые изучаются в современной геопозитике: мифологические реконструкции, шаманские традиции, фольклорные тексты, авангардные эксперименты в литературе и музыке. Тематика строится на основе «движения по евразийскому пространству». Имеется в виду пространство не только географическое, но и семиотическое, связанное с разными культурными кодами, лингвокультурологическими ориентирами.

В сборнике «Геопанорама русской культуры» — продолжение развития идей «текст пространства — пространство текста и текст времени — время в тексте» с точки зрения семиотики. Русская провинция изучается в геопозитическом отношении. «Эта «другая сторона» — провинция, — пишут авторы, — понятие для русской культуры неоднозначное и даже болезненное. Провинция обычно рассматривается как антитеза столице, и, соответственно, все евразийское пространство России, за исключением двух точек, двух городов-столиц, Москвы и Петербурга, по определению является провинцией. Отсюда намеренная тавтология подзаголовка: провинция и ее локальные тексты. Имеются в виду не только локальные тексты внутри географического и исторического пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), но и вся провинция целиком, как единый локус.

Идея единства, состоящего из разного, поддерживаемого и питаемого разным, не нова. Однако применить ее на практике не так просто, особенно когда речь идет о таком огромном пространстве как русская Евразия. Очень часто разное представляется в виде хаотического набора местных достопримечательностей. Осмыслить их общность, увидеть в них проявление единой культурной традиции помогает исторически сложившийся образ каждой из русских земель — «провинций», благодаря которому она и воспринимается как особый культурный феномен. Образы местности закреплены во

множестве самых разнообразных текстов. Анализ этих текстов позволит определить основные черты образа места и выяснить его мифологическую основу: понять, наконец, что представляют собой «волжский», «уральский», «сибирский» и прочие провинциальные мифы» [Белоусов, Абашев, Цивьян 2004: 5].

Участники проекта — содружество лингвистов, литературоведов, фольклористов, культурологов. Их объединяет лингвокультурологический (в широком смысле) подход, «при котором главным объектом исследования становятся тексты — тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология места — в данном случае, той или иной земли — «провинции». Исследования *hic et nunc* помогают понять, как идут процессы изменения провинциального локуса в сторону самодостаточности и самоидентификации, какой темп набирает духовная культура, настойчиво охраняющая свой «локальный» облик» [там же].

Геопанорама российского духовного и культурного пространства представлена как «антропология места» через «алгоритмы локальных текстов»: «Место — во-первых, Евразия как целое. Во-вторых, ее «европейские окраины», от Балтии до Урала (с особым вниманием к Пермскому культурному пространству). Тексты — во-первых, представление самой провинции как некоего текста, основанное на анализе лексемы провинция, концепта провинции и образа провинции. Во-вторых, словесные и несловесные тексты о провинции (от романного пространства XIX века и Юртына Б. Пастернака до лубка и современного провинциального шансона)» [там же: 6]. В сборнике «Русская провинция: миф — текст — реальность» (2000) «живые» свидетельства людей рассматриваются уже как ценные сами по себе в процессе изучения геопэтики.

Надо отметить, что интеграция лингвистики, культурологии и географии исторически лежит в основе одного самых фундаментальных направлений в филологии — индоевропеистики, проективной реконструкции индоевропейского языка (Р. Раск, А. Шлейхер, А. Мейе, в дальнейшем Э. Сепир, Э. Бенвенист, Вяч.Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе и др.). До сих пор важнейшая проблема

этой науки — изучение расселения индоевропейцев, поиски индоевропейской прародины [см. Гамкрелидзе, Иванов 2013].

В качестве интересного примера использования лингвистических данных в географическом труде можно привести работы жанра «memoir» («записки»). В каталоге Лондонской библиотеки содержатся десятки книг, среди которых «Memoir of a map of Ireland: illustrating the topography of that kingdom, and containing a short account of its present state, civil and ecclesiastical; with a complete index to the map» («Записки к карте Ирландии, иллюстрирующие топографию королевства и содержащие краткие сведения о гражданском обществе и церкви, с полным указателем к карте»), составленные Д.А. Бюфортом (D.A. Beaufort) в 1792 году; «Memoir on the Map of Damascus, Hauran, and the Lebanon Mountains» («Записки к карте Дамаска, Хаурана и Ливанских гор»), написанные Дж.Л. Портером (J.L. Porter) в 1856 году и многие другие (см.: каталог Лондонской библиотеки <http://www.londonlibrary.co.uk>).

Среди редких книг университетской библиотеки Ставрополя мы обнаружили исследование английского поэта и дипломата Г. Эллиса «Memoir of a Map of the Countries Comprahended Between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of Their Languages» (London, 1788) («Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями с описанием кавказских народов и словарей их языков»), оно также хранится в фонде Лондонской библиотеки. Книга включает «Общую карту стран, расположенных между Черным и Каспийским морями» («General Map of the Countries Comprahended Between the Black Sea and the Caspian»), общее описание географии и истории стран, находящихся между Черным и Каспийским морями, а также конкретные описания семи народов, «каждый из которых говорит на своем языке: 1. Татары. 2. Абхазы. 3. Черкесы. 4. Осетины. 5. Кисты. 6. Лезгины. 7. Грузины» [Ellis 1788: 14]. Соответственно даны словники языков этих народов. Книга снабжена обширными примечаниями Г. Эллиса. Главное в этой работе — корреляция географии и лингвистики, так как словники, составленные на основе слов, входящих в лексическое ядро каждого из названных языков, обнаруживают их родство или тесное взаимодействие и

свидетельствуют о пространственно-временном проживании народов, указанных на карте, в данном случае народов Кавказа.

В начале 2000 годов авторам этой статьи неожиданно удалось обнаружить в Ставрополе (Северный Кавказ), городе с не очень длительной историей (240 лет), архаику, сроки давности которой не подсчитаешь (например, в Древнем Египте — 4000 лет до н.э.). Речь идет о древнейших культурных символах неба, солнца и земли, широко означенных во внешнем оформлении архитектуры Ставрополя и городов Кавказских Минеральных Вод. Города застраивались, в целом, с середины XIX века в контексте утвердившегося в России христианства, а мы встретились с символами, функционирующими еще со времен язычества. Мы, как и другие жители города, десятки лет проходили мимо каменных заборов и воротных столбов с огромными солярными знаками, мимо домов с изображением трех миров: воды (неба), солнца, земли. Осознание того, что мы имеем дело с архаической символикой, да еще и на каменных зданиях, столбах из ставропольского ракушечника, который запечатлевает геологическую историю города, связанную с Сарматским морем, разливавшимся здесь 17 миллионов лет назад, пришло неожиданно, тем более что ни о каком язычестве уже не может быть и речи.

В процессе знакомства с работой К.Г. Юнга «Символы трансформации» (1911—1912) мы прочитали о том культурном шоке, который пережил знаменитый психолог в пору сотрудничества с З. Фрейдом, узнав об Эдиповом комплексе в психике современного ему человека: «Впечатление, производимое этим простым указанием, может быть сравнено с тем совершенно особенным чувством, которое охватывает нас, когда мы среди шума и толчи современной городской улицы наталкиваемся на остатки древности, например, на коринфскую капитель давно замурованной колонны или на фрагмент надписи» [Юнг 2008: 45—47].

Визуально выраженные символы или символы, которые возникают в психическом, ментальном переживании, — явления одного порядка. И верно, овладевая посредством знаковой системы живым смыслом древнейшей истории, переживая ее предметность, мы обретаем действительно прочную основу в освоении контекстов

современной культуры, видим нерасторжимую связь процессов, явлений, определяем некоторые константы сознания, нравственности, мышления, которые позволяют нам опираться на общечеловеческие ценности в разработке новых проблем. Этим самым обеспечивается целость и гармоничность бытия человека, формируется багаж исторической памяти. В монографии «Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в пространстве городов Ставропольского края» (2008) мы выделили пласт архаической символики и рассмотрели его в процессе развития культуры, выяснили роль и место в нашем историческом сознании. Пока неясны исторические корни того, какая часть переселенцев, а именно за их счет формировалось население Ставрополья, принесла с собой эту древнюю культуру использования архаической символики в архитектуре, но ясно одно, что в сознании и подсознании людей лежат архетипы культурного бессознательного, актуализация которых происходит в определенных условиях: символы неба, солнца, земли использовались как обереги в материальной и духовной жизни человека [см. Штайн, Бобылев, Петренко 2008]

В монографии «Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края» (2008) мы обращаемся к городу Ставрополю как сложной семиотической системе, находящей воплощение в различных типах текстов (вербальных — преимущественно исторических, и невербальных — преимущественно архитектурных). Учитывается система больших культурных стилей, с которыми связана архитектура города, обусловленная языческими представлениями ставропольчан о мире и доме как мире.

Обращение к разным типам текстов, в том числе городу как тексту, конкретным людям, воплощающим своим образом жизни его историю, при всей строгости лингвокультурологического подхода, дает возможность писать живую историю, в центре которой человек, его жизнь, его город, географическая среда, а не только факты, исторические события. Традиционный трехмерный «мир» был широко распространен в славянской культуре: он связывает дом как микрокосм с землей и небом как макрокосмом. Верхний мир — хляби небесные: изображение воздушного и водного миров в виде

волнистых линий под фронтоном дома, часто это стилизация женской груди как кормилицы земли, воды, дающей урожай. Средний мир — солнечный: солярные знаки (круги, кресты, звезды, розетки) между окнами, над всеми проемами дома связывают землю и небо, оберегая светом от тьмы. И, наконец, в нижней части здания ромбы, квадраты — символы земли, укореняющие дом в почве. Все это наиболее ярко выражено в каменном строительстве, и знаки, видимо, кроме оберегов, выполняли функцию языка, с помощью которого человек общался с геопространством, космосом. Сейчас их можно назвать репрезентантами коэволюции: они свидетели взаимодействия человека и мира, их синергизма.

Знаки неба, солнца и земли мы изучали на основе лингвокультурологического подхода: рассматривалась семиотическая система города как текста, исторических и литературных текстов, текстов Библии и Корана. Архаическая символика в культурной среде города говорит о кровной связи человека как микрокосма, его культуры с макрокосмом. Место под солнцем, освоенное людьми, — всего лишь небольшая часть гармонично устроенной Вселенной, в которой все взаимосвязано. Беспорядок в той части пространства, которая именуется домом, городом, может обернуться катастрофой, поэтому надо помнить о солнце, его живительной силе, о Солнце Правды, о солнце в сердцах, душах людей. Система древнейших знаков встраивает нас в мироздание, увеличивая значимость и силу культуры и разума человека, который стремится к сохранению всеобщей целостности мышления посредством создания картины мира на основе элементов высокой степени абстрагирования, связанной с историей и праисторией, субъективными переживаниями человека и объективными процессами в мире.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусов, Абашев, Цивьян 2004 — *Белоусов А.Ф., Абашев В.В., Цивьян Т.В.* От составителей // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Сост. *А.Ф. Белоусов, В.В. Абашев, Т.В. Цивьян.* Москва: Языки славянской культуры. С. 5—7.

Гамкрелидзе, Иванов 2013 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека

исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства. № 9. С. 110—136.

Лихачев 1989 — *Лихачев Д.С.* О филологии. Москва: Высшая школа.

Морен 2007 — Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. Москва: Прогресс-Традиция. — С. 24—96.

Штайн, Бобылев, Петренко 2008 — *Штайн К.Э., Бобылёв С.Ф., Петренко Д.И.* Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольский государственный университет. — 560 с.

Юнг 2008 — *Юнг К.Г.* Символы трансформации. Москва: АСТ. — 736 с.

Ley, Samuels 1978 — *Ley D., Samuels M.S. (ed.)* Humanistic Geography. Prospects and Problems. Chicago: Maaroufa Press. — 607 p.

Ellis 1788 — *Ellis G.* Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian; with an Account of the Caucasian Nations, and Vocabularies of Their Languages». London: Printed for J. Edwards, in Pall-Mall. — 80 p.

Tuan 1976 — *Tuan Y.-F.* Humanistic Geography // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. № 2. — P. 266—276.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Милена Иванова Стойкова
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария

ТЕКСТОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ БОЛГАРСКИХ УЧАЩИХСЯ

Аннотация: Статья посвящена обучению пониманию текстов в практическом курсе русского языка как иностранного. Понимание рассматривается как одна из основных компетенций европейской системы уровней владения иностранным языком. Автором предлагается и обосновывается собственный подход к решению поставленной задачи.

Ключевые слова: текст, живая устная речь, аутентичный текст современного речевого русскоязычного пространства

Milena Ivanova Stoykova
Plovdiv University «Paisii Hilendarski»
Plovdiv, Bulgaria

WORKING WITH THE TEXT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN BULGARIAN AUDITORY

Abstract: This article is devoted to the training of understanding of the text in the practical course of Russian as a foreign language. Understanding is regarded as one of the main competencies of the European system of language levels. The author of the article suggests and offers evidence in support of her own approach to solve the methodological tasks.

Keywords: text, live speech, authentic Russian contemporary text

«Настало время заняться повышением культуры чтения и уровня использования устной речи». Такое мнение высказала президент Российской академии образования (РАО), президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета, глава попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая на заседании Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, сообщает РИА «Новости».

«Мы мало внимания обращаем на устную форму речи. И это очень серьёзный момент». Она также отметила, что большая часть учеников средних школ относится к изучению русского языка не только с равнодушием, но даже негативно. Таковы результаты исследований, которые проводили разные организации, в том числе и РАО. Вербицкая уверена, что надо искать решение этого вопроса. Она предлагает использовать новые тексты для изучения с применением творческого подхода. Вербицкая считает, что они лучше подходят современным детям с учётом их психофизиологического состояния.

В контексте высказанной озабоченности об отношении российских учащихся к обучению русскому языку и необходимости нового подхода при выборе текстов для изучения, автору настоящей статьи показалось удачным поделиться мнением и опытом в

применении такого приема в течение почти 20 лет на своих уроках и занятиях русского языка /в школе и в вузе/, как со специалистами - т.е. старшеклассниками и студентами-русистами, так и со слушателями на курсах русского языка, в основном нефилологами, при подготовке желающих болгарских учащихся / в том числе незрячих/ сдать экзамен по русскому языку для получения Сертификата ГИРЯ им. А.С.Пушкина – г. Москва на владение русским как иностранным уровнем В1-С2. В настоящей статье речь пойдет о критериях при выборе текстов при обучении русскому языку болгарских учащихся - взрослых, хотя в полной мере подход может быть выигрышным и в обучении учащихся младших классов. В рабочих целях позаимствовано определение понятия «текст» из Монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» – Московский государственный лингвистический университет /русская версия/, 2003 г., с. 94-102: «под понятием «текст» подразумевается любой фрагмент как в устной, так и в письменной форме, который воспринимают, получают или которым обмениваются использующие/изучающие язык. Таким образом, любой акт коммуникации с использованием языка приводит к возникновению текста; виды речевой деятельности и языковые процессы анализируются и классифицируются в соответствии с позицией использующего/изучающего язык и любого собеседника/ов/ относительно текста. Последний может являться законченным продуктом, артефактом, или целью или продуктом незавершенной деятельности. Различные средства создания текста используются в разных целях.» [Монография 2003: 94-102].

Бесспорен факт, что сегодня все внимание обучающихся иностранным языкам, в частности русскому, обращено к молодежи. Факты:

2 ноября 2016 г. в Москве по инициативе фонда «Русский мир» прошел Международный молодежный форум «Поколение мира», в котором принимает участие творческая молодежь, представители молодежных общественных организаций, студенты и аспиранты, изучающие русский язык, молодые преподаватели-русисты из десятков стран мира.

Центральной темой форума стало создание международной Ассоциации (Союза) молодёжи и студентов, изучающих русский язык. Такое самоуправляемое объединение способствовало бы расширению молодёжных контактов и обменов, развитию творческой инициативы молодёжи. *«Молодежь – самая активная часть общества»*, – сказал представитель фонда «Русский мир», процитировав слова Сергея Михалкова: *«Сегодня дети – завтра народ»*.

Эта идея возникла во время проведения V Европейского студенческого фестиваля «Друзья, прекрасен наш союз» в Болгарии в сентябре нынешнего года (автор статьи этому свидетель).

В настоящем докладе выдвигается и аргументируется тезис о выборе аутентичных текстов современного речевого русскоязычного пространства в целях изучения русского языка вне языковой среды для приобретения всех видов компетенций и обучения чтению с пониманием, слушанию с пониманием (аудированию), говорению и письму. Речь идет не об учебных текстах в учебниках и пособиях, а о живой русской речи в текстах кино- и телекартин, песен и композиций современных российских исполнителей и ансамблей, об оснащении преподавания русской классической и литературы 20-ого века выступлениями выдающихся артистов современного русского театра и кино, читающих стихи/прозу или исполняющих их под музыку. Сегодня, когда основной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, одной из ее составляющих, наряду с языковой и стратегической компетенциями, стала социокультурная компетенция, предусматривающая владение фоновыми знаниями, т.е. знанием истории, литературы, культуры, менталитета, социально-экономических и политических условий жизни людей, язык которых является изучаемым. Как показывает наша практика, все это начинает реализовываться в основном на занятиях чтения еще на самом раннем этапе. Чтение на иностранном языке как вид речевой деятельности и как опосредованная форма общения наиболее востребовано для большинства обучающихся на иностранном языке. Возможность непосредственного общения с носителями языка имеют немногие, возможность читать на иностранном языке – практически

все. Поэтому чтение выступает в качестве целевой доминанты. На начальном этапе обучения важно снять трудности, связанные с овладением техникой чтения, а также с дешифрированием языковых средств. Но так как языковая компетентность – необходимое, но недостаточное условие для понимания речи, нужно обратить внимание на факты, связанные с незнакомой культурой, темой, ситуацией общения, представленные в содержании текста. Проблемой является методический отбор текстов начального этапа обучения. В силу ограниченных языковых возможностей студентов на данной ступени тексты для чтения нужно обрабатывать и адаптировать, чаще всего путем сокращения, замены сложных грамматических конструкций на более легкие. Могут быть сохранены сложные слова, интернационализмы, незнакомые учащимся, но доступные для понимания. Помимо работы над текстом в рамках « Вводного интенсивного курса русского языка » на первом курсе, в учебной программе по практическому русскому языку на начальном этапе обучения в Пловдивском университете предусмотрено «Аналитическое чтение» как самостоятельная разновидность обучения чтению. В какой-то мере этот компонент обучения представляет собой всем знакомое « изучающее» чтение. Цель аналитического чтения – не только развитие навыков и умений чтения, но и навыков устной и письменной речи на основании прочитанных текстов. Таким образом, оно является одновременно целью и средством достижения основной цели обучения на начальном этапе: формирования умений нормативной речи на русском языке. Сформулированы следующие задачи:

1. Формирование навыков углубленного чтения и умений снятия трудностей языкового и содержательного характера в тексте.
2. Усвоение языкового материала (в основном лексического) для чтения и понимания текста, а также порождение устно-речевого высказывания (УРВ) на основе текста.
3. Автоматизирование продуктивных языковых навыков и умений для реализации возможностей практиковаться в речи.

Поэтому при обучении чтению важно не только формирование у учащихся необходимых навыков и умений, обеспечивающих

возможность чтения как опосредованного средства обучения, но и привитие интереса к чтению.

Конечной целью является потребность в чтении, а потребность в чтении на иностранном языке будет обеспечена тогда, когда содержание текстов будет соответствовать познавательным и эмоциональным запросам учащихся, уровню их интеллектуального развития. Тексты должны быть информативными, разнообразными по жанру и тематике, аутентичными, современными. Лучшими, на наш взгляд, но только для самого начального этапа, являются книги из серии «Библиотека Златоуста». Серия включает адаптированные тексты для 5-ти уровней владения русским языком: произведения русских классиков, современных писателей, публицистов, журналистов, а также киносценарии. По моему мнению, после овладения русским языком уровня А1 болгарским учащимся не рекомендуется использовать адаптированные тексты, ибо жизнь нельзя адаптировать. Можно использовать матрицу с вопросами и заданиями, но применять ее к тем же аутентичным текстам. В развитии умений и потребностей чтения, формировании у студентов психофизиологических механизмов чтения как деятельности, процесса, а также в совершенствовании устной речевой деятельности учащихся на основе прочитанного, домашнее чтение призвано сыграть ведущую роль. Именно поэтому в Программе по практическому русскому языку для отделений Пловдивского университета домашнее чтение обязательное еще на начальном этапе обучения (на первом курсе). Студенты должны составить свой словарь к прочитанному тексту, пользуясь толковыми и переводными словарями. Таким образом, за время обучения русскому языку в бакалавриате прививаются потребность, навыки и умения пользоваться словарем при любой деятельности на иностранном языке, что предопределяет составлять резюме, конспектировать научный текст на продвинутом этапе, а в дальнейшем и писать курсовые и дипломные работы.

Важное значение имеет содержательная сторона текстов, предназначенных для чтения. Нет необходимости, чтобы тематика их соответствовала лексико-разговорным темам, изучаемым на данном этапе. Лишь на начальном этапе тексты содержат преимущественно

языковой материал, который предварительно усвоен учащимися. Поэтому на первом курсе текст отбирается и предлагается преподавателем. На последующих этапах студенты сами выбирают себе тексты. По-моему, методически более оправдано читать произведения в продолжениях, а не отдельные тексты, что и рекомендуется в обязательном виде студентам. Этим критериям отвечают аутентичные художественные тексты на русском языке современных авторов. Они эмоционально воздействуют на учащихся, что способствует лучшему пониманию прочитанного. Повторяемость лексики в художественных текстах создает условия для ее активного употребления. Использование научно-популярной и другой нехудожественной литературы для «углубленного» домашнего чтения не представляется успешным. В таких текстах преобладает отвлеченная и терминированная лексика. Чтение такого рода литературы в рамках домашнего чтения требует наличия определенного уровня фоновых знаний, специальной установки, и в плане увеличения словарного запаса будет не столь эффективным в сопоставлении с чтением художественных текстов, отличающихся большим лексическим и грамматическим своеобразием.

Актуальность темы наших изысканий подтверждается действующей в России Междисциплинарной программой «Стратегии смыслового чтения и работа с текстом», представленной на вебинарах, организованных Виртуальными методическими объединениями. [<http://webinar.omskedu.ru>]. Программа составлена в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования. Данная программа ориентирована на развитие навыков работы с текстом, воспитание и развитие с учетом и индивидуальных особенностей образовательных потребностей и возможностей. Цель программы: создание условий для овладения стратегиями смыслового чтения и работы с текстом в части поиска, преобразования, интерпретации, оценки информации; воспитание грамотного компетентного читателя, человека, имеющего стойкую привычку к познанию мира и самого себя, человека с высоким уровнем языковой культуры.

Тексты для диктантов на занятиях автора настоящей статьи отбираются по тем же критериям: только на начальном этапе это

учебные адаптированные тексты, на последующих – это уже отрывки аутентичного текста, чаще всего т.н. современной городской прозы известных российских прозаиков. Тексты для изложения - сказки на русском языке - сначала Г.К. Андерсена или Шарля Перо – это сюжеты знакомые, их легче пересказывать, снимается стресс от незнакомого сюжета, а потом – это русские сказки (о прецедентности русской сказки – [Чернева 2013:109-121]).

Касательно текстов для слушания с пониманием: начиная с начального этапа обучающиеся слушают современную русскую, а также советскую с прецедентными текстами, популярную музыку разных жанров в ознакомительных, стимулирующих интерес к языку целях, с опорным текстом с лексико-грамматическим комментарием – предварительным для уровня А1. Тематика песен соответствует пройденным лексическим темам, но это соответствие проводится неоднозначно и нерегулярно. Также, тематика может быть приурочена к памятным датам и цифрам Российской истории, напр. песни Дня Победы – прослушиваются песни об Отечественной войне с лексико-грамматическим комментарием. На последующих обучающих этапах задачи к тексту усложняются: обучающиеся анализируют текст, восполняют языковые пробелы по заранее прослушанному тексту или полностью восстанавливают текст. На мой взгляд, самый удачный и проверенный практикой **прием уподобления живой речи**, состоит в следующем: обучающиеся повторяют текст, т.е. поют под «караоке» в обязательном порядке, таким образом приобретая произносительные, интонационные и прочие требуемые умения. Жирным шрифтом надо подчеркнуть, что речь идет не о внеаудиторных занятиях, клубных или факультативных, а о включении такого приема работы с текстом в аудитории/в классе. Разумеется, преподаватель должен считаться с быстро меняющейся модой на российское песенное творчество, быть в курсе с языковыми и речевыми изменениями, с так называемой «порчей» разговорного языка, чтобы не отстать от текстов и «соответствовать». Заодно, сам преподаватель беспрерывно будет развивать профессионально самого себя. Но, конечно, никому не прикажешь, как говорят, «своя рука владыка».

Здесь можно привести пример российского рэпера Мишу Маваша, исполнявшего стихи Сергея Есенина «Письмо к женщине» («Вы помните, вы все, конечно, помните»). В учебных целях студенты/старшеклассники/слушатели на курсах РКИ слушают исполнение Сергея Безрукова, сыгравшего Сергея Есенина в картине российского кинематографа, а потом вариант рэп Миши Маваша (с опорой на текст). Автор данной статьи заверяет: потом обязательно читают поэта, а его фанаты также и переводят (об этом см. далее).

Так же красочно обстоят дела с просмотром российских кинокартин. На занятиях автора настоящей работы по разговорной речи, лексике, по практикому в магистерских программах «Актуальная русистика» и «Перевод и межкультурная коммуникация» и др. проводится просмотр картины российского/советского кинематографа с предварительным лексико-грамматическим комментарием /гlossарием/. Автором видится, что это лучшая форма обучения слушанию с пониманием и сильный социокультурный стимул к овладению русским языком. Очень важно приурочить кинолекторий к важным культурно-историческим событиям, прецедентным датам или личностям, но с обязательным учетом аудитории. Например, к 70 летию Победы в Великой Отечественной войне: кинолекторий к 9 мая **«Пусть война будет только в кино!»** – показ фильмов «Битва за Севостопль», «А зори здесь тихие», «Белорусский вокзал», «Судьба человека», «Мы из будущего», «Неслужбное задание», а также просмотр в прямом эфире Парада в честь Дня Победы. Так например, считаю неправильным выбор кинокартины «Остров» 2006 года, приуроченной к Году Кино и 75-летию начала ВОВ, для демонстрации старшеклассникам во время их Летнего языкового лагеря в СОК «Камчия» в июле 2016 года. Удачнее было бы продемонстрировать «А зори здесь тихие» (современный вариант) или «Битву за Севастополь», в которых герои – учащиеся, которым безвременно пришлось повзрослеть, воевать и умирать за Родину. Таким же образом неудачно, на наш взгляд, продемонстрировали «обвешанный международными призами», как представил ведущий, кинофильм «Стиляги» на V Европейском студенческом фестивале «Друзья, прекрасен наш союз» в сентябре 2016 года, к тому же,

отрывок из одноименного произведения, оснащенный снимками из кинофильма, включен в открытый вариант теста для школьников на приобретение сертификата владения РКИ уровня С1 ГИРЯ им. А.С.Пушкина. [<http://www.pushkin.institute/Certificates/ССТ>] . На кинопоказе в СОК «Камчия» один из авторов фильма пожелал присутствующим студентам-иностранцам «устроить себе такую же тусовку, как в картине» – для несведущих, события в фильме происходят в 50-60-ые годы 20 века со всеми застойными запретами и т.д. В обоих случаях, и не только, проводится «простая» демонстрация художественной картины, а обязательно надо ее «осложнить», заинтриговать окружающих, а то, молодые люди не останутся в зале, ибо могут (если, конечно, захотят) сами посмотреть кинокартину у себя дома – благо, все можно посмотреть и «скачать» в нете.

Практика показывает, что удачно проведенное обучение работе с текстом на аутентичных аудио и видеоматериалах вызывает дальнейший интерес у обучающихся заниматься текстом на внеаудиторных занятиях: молодые русисты – старшеклассники и старшекурсники переводят своих любимых поэтов: в прошлом году вышел сборник «Собрание творчества молодых русистов» с «молодыми» переводами М.Ю. Лермонтова, С. Есенина, А. Ахматовой, Эдуарда Асадова, Ф.Тютчева и эссе на темы «Дорога в храм», «Мой герой 21 века», сказки, (см. Литературу).

Обобщаем: По определению, успешное интегрирование личности в общеевропейское образовательное пространство напрямую связано с изучением иностранных языков. Владение иностранным языком предоставляет возможность коммуникации в условиях иноязычной среды, но не обеспечивает полноценного понимания между людьми, принадлежащими к разным культурам. Язык может выступать как «гарант» целостности понимания, если включает в себя не только рациональные компоненты человеческого сознания, но и необходимый ассоциативный ряд ментального пространства, сформированного данной культурной средой. Поэтому в последнее время обучение иностранному языку рассматривается как диалог двух культур в общем формате межкультурного общения. Непонимание, недопонимание и неправильное понимание в

иноязычном общении возникает вследствие недостаточных первичных фоновых знаний, которыми располагает реципиент, недостаточного внимания к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира». Знание инокультурных реалий обеспечивает адекватное общение на языке, позволяет проникнуть «вглубь» выражаемого понятия, осознать его денотативное и коннотативное значение, создает внутреннюю мотивацию у обучаемого и определяет его субъективное отношение к воспринимаемому понятию. И все это возможно, на наш взгляд, лишь только если мы обучаем живому **«могучему русскому языку»**, не боясь языковых и речевых перемен, агрессивного-императивного стиля общения, броской оценочности, общего «засорения» или «варваризации» языка, и успевать за ним – меняющимся, заигрывающим, красочным.

ЛИТЕРАТУРА

Монография 2003 - Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург. Московский государственный лингвистический университет /русская версия/– 356 с.

Собрание творчества молодых русистов «Пять лет в семье русского мира». Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2015 – 32 с.

Чернева 2013: *Чернева Н.* О прецедентных единицах русской народной сказки // Открытая линия - Новейшие тенденции и практики преподавания русского языка как иностранного. София, – 156 с.

<http://www.pushkin.institute/Certificates/ССТ/>

<http://www.pushkin.institute/Certificates/ССТ/kak-podgotovitsya-k-ekzameni-rekomendatsii-dlya-uchashchikhsya.php>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

О «СЛЕДАХ РИТМА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: Исследователи периодически обращаются к изучению ритма художественной прозы, стала осознаваться и проблема передачи ритма оригинала при переводе. Идеи М.М. Бахтина позволяют наметить единый подход к исследованию ритма прозаического художественного произведения и решить некоторые вопросы перевода.

Ключевые слова: ритм художественной прозы, перевод, Бахтин

Natalia I. Golubeva-Monatkina
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

ABOUT «TRACES OF RHYTHM» IN FICTIONAL PROSE AND TRANSLATION ISSUES

Abstract: Researchers have occasionally studied the rhythm of fictional prose, and it has become evident that there are difficulties in conveying the rhythm of prose in translation. The article puts forward a suggestion that Bakhtin's ideas can offer a unified approach to studying rhythm of a prosaic work as well as to solving certain translation issues.

Keywords: rhythm of fictional prose, translation, Bakhtin

На то, что не только у поэзии, но и у прозы есть ритм, в Европе обратили внимание во второй половине XVIII века, по-видимому, в связи с появлением новых форм прозы, а в веке XX уже подводили некоторые итоги изучения этого феномена. Так, отечественными филологами, в частности, отмечается, что «не только вся проза противостоит стиху, но и в самой прозе имеется два класса – проза

ритмическая и проза не-ритмическая» » [Томашевский 1929: 255-256] и что «основу ритмической организации прозы всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями <...>» [Жирмунский 1966: 107]. В 1951 году обнаруживается возможность существования иной, отличной от общепринятой, концепции ритма [Бенвенист 1974], и, основываясь на ней, позже создает свою популярную среди западноевропейских филологов теорию ритма француз А. Мешонник, поэт, переводчик (в частности, текстов Ю.М. Лотмана), теоретик перевода (см. нем, например, [Дессон 2010; Маричик 2009]).

В целом же, в последней трети XX-начале XXI века появилось немало качественных отечественных, а также зарубежных работ и о самом феномене ритма, и о ритме тех или иных художественных произведений. В них подчеркивается, что «ритм выступает как специфический способ организации пространственно-временного континуума художественного произведения, по-разному обнаруживающий себя в различных видах искусства, но при этом оказывающийся неперемнным условием всякой художественной целостности» [Сапаров 1974: 103], что прозаический ритм «столь же далек от стихового, как, скажем, от музыкального, архитектурного или живописного», что «попытки обнаружить в прозе ритмы стиховые или близкие к стиховым обречены на неудачу» [Эткинд 2002: 100] и что ритм «может проявиться не в словесно-ритмизированной ткани <...>, а в иных свойствах прозаического повествования: в смене кусков, в гармонии построения, во всех элементах композиции» [Гиршман 1982: 9]. Постоянно ведется поиск ритмических («ритмико-речевых», «ритмообразующих»...) единиц художественной прозы, которые, думается, вернее было бы называть, по выражению О. Брика¹, «следами ритма» – это, в частности, абзац

¹ Применительно к стихотворной речи О. Брик писал: «Надо строго различать движение и результат движения. Если человек, прыгая по болоту, оставляет следы, то чередование этих следов, как бы оно равномерно ни было, не есть ритм. Ритмически оформлено будет самое прыгание, а следы от прыжков - это только

[Жирмунский 1966: 107], фраза, «фразовый компонент» [Гиршман 1982: 11], а также «ударные слоги, границы синтагматического членения и интонемы» [Иванова-Лукьянова 2011].

Вывод, который делается отечественными филологами, и задача, которая, с их точки зрения, должна быть решена, формулируются, например, таким образом: «Проблема прозаического ритма по-прежнему остается дискуссионной и актуальной. Интерес к ней регулярно возобновляется как в теоретическом, так и в практическом плане, например для идентификации письменной речи или в практике художественного перевода. Наибольшую трудность вызывает создание такой методики определения ритма, которая позволила бы выразить его в конкретных величинах, по которым можно сравнивать ритмы разных писателей, разных частей текста, ритмы оригинального и переводного текста, разных переводов одного текста; которая позволяла бы также учитывать периоды устойчивости ритма и границы его изменения, чтобы наблюдать сопутствующие изменения в лексике, грамматике и семантике текста» [Иванова-Лукьянова 2011].

Думается, верный подход к исследованию ритма художественной прозы проложен еще в 1924 году работой М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». По Бахтину, в художественном произведении всегда есть ритм, причем ритм «как форма упорядочения звукового материала, эмпирически воспринятого, слышимого и познаваемого, – ритм композиционен; эмоционально направленный, отнесенный к ценности внутреннего стремления и напряжения, которую он завершает, ритм архитектурен». С точки зрения Бахтина, ритм художественного произведения – это ритм творца: «эстетический объект – это творение, включающее в себя творца» и «автор, как конститутивный момент формы, есть организованная, изнутри исходящая активность цельного человека <...> он нужен весь – дышащий (ритм), движущийся, видящий,

данные для суждения об этом прыгании. Говорить, что следы расположены ритмически, не научно» [Брик 1927: 15].

слышащий, помнящий и понимающий»; «ритм, прикрепленный к материалу, выносится за его пределы и начинает проникать собою содержание как творческое отношение к нему, переводит его в новый ценностный план – эстетического бытия». Бахтин пишет, что ритм обладает «формирующей силой»: «Из этого фокуса чувствуемой активности порождения прежде всего пробивается ритм (в самом широком смысле слова – стихотворный и прозаический) и вообще всякий порядок высказывания не предметного характера, порядок, возвращающий высказывающего к себе самому, к своему действующему, порождающему единству» [Бахтин 1924].

Как представляется, если согласиться с тем, что ритм присущ каждому художественному произведению как эстетическому объекту и, в том числе, произведению художественной прозы, то отпадает надобность утверждать, что существует ритмическая художественная проза, противопоставленная «неритмической» (само словоупотребление «ритмическая проза» предполагает наличие прозы неритмической), и возникает вопрос об исследовании ритма самых разных произведений художественной прозы, а не только тех, которые до сих пор считались ритмически организованными. Кроме того, если ритм прозаического произведения понимать так, как понимал его Бахтин, а именно как «форму упорядочения звукового материала» (обращает на себя внимание сходство этой концепции и концепции ритма у досократиков в изложении Э. Бенвениста [Бенвенист 1974]), то как будто бы исчезает необходимость выделения единицы ритма – ведь, как о том свидетельствуют посвященные ритму прозы многочисленные исследования, ритмом упорядочивается (и упорядочивается по-разному) самый разный языковой материал. Очевидно, что необходимо продолжать описание этого разного языкового материала, а это и делается в настоящее время многими исследователями ритма прозы. Также необходимо продолжать изучение языка и композиции прозаических художественных произведений, что и осуществляется не первое десятилетие языковедами и литературоведами, стремящимися понять «чисто художественное своеобразие и структуру» («архитектонику») этих произведений. Все эти исследования постепенно приближают нас к пониманию ритма того или иного произведения

художественной прозы, которое, по Бахтину, есть «творение, включающее в себя творца».

Идеи Бахтина позволяют яснее увидеть те случаи искажения ритма художественного произведения, которые встречаются в филологической практике. А она показывает, что ритм словесного произведения, в том числе и прозаического, может быть искажен переводчиком, который не сохраняет, например, такой несомненный «след ритма» как абзацная структура оригинального текста. Роль этой структуры обусловлена тем, что опубликованное как книга произведение имеет свою вполне материальную сторону – это страницы и развороты книги, восприятие отображения текста на которых осуществляется в соответствии с законами визуального восприятия. Об этом пишут сами книговеды, рассматривающие книгу как «специфическую пространственную систему со своими законами ее внутренней организации», подчеркивая, что «книжное пространство не статично, а определенным образом организует наше движение в нем – перемещение взгляда и внимания читателя в процессе чтения» [Герчук 1984: 10]. И одной из важнейших, опорных для нашего глаза «точек» в этом пространстве является абзацный отступ, определенная мода на отсутствие которого осуждалась крупнейшими книговедами прошлого века: «Начало абзаца без отступа <...> создает у читателя ощущение непрерывного бега мысли, за которой трудно угнаться, но ведь хороший писатель делит текст на абзацы продуманно и хочет, чтобы его ритм был точно соблюден. <...> набор без отступа затрудняет восприятие текста <...>. Ведь книга должна быть идеальным воплощением текста, передающим ритм мысли автора» [Чихольд 2009: 118-119].

И существующие исследования, и результаты сопоставления автором данной статьи ряда оригинальных и переводных текстов художественной и философской прозы заставляют обратить особое внимание на искаженное воспроизведение при переводе такого графического отражения «следов ритма» словесного художественного произведения как его абзацное строение. Сопоставление оригинала и перевода нередко выявляет ничем не обусловленные дробление (1) или объединение (2) авторских абзацев:

«Emancipado al menos por el momento de la torturas de la fantasía, José Arcadio Buendía impuso en poco tiempo un estado de orden y trabajo, dentro del cual sólo se permitió una licencia : la liberación de los pájaros que desde la época de la fundación alegraban el tiempo con sus flautas, y la instalación en su lugar de relojes musicales en todas las casas. Eran unos preciosos relojes de madera labrada que los árabes cambiaban por guacamayas, y que José Arcadio Buendía sincronizó con tanta precisión, que cada media ora el pueblo se alegraba con los acordes progresivos de una misma pieza, hasta alcanzar la culminación de un melodía exacto y unánime con un valse completo. Fue también José Arcadio Buendía quien decidió por esos años que en las calles del pueblo se sembraran almendros en vez de acacias, quien descubrió sin reverlarlos nunca los métodos para hacerlos eternos. Muchas años después, cuando Macondo fue un campamento de casa de madera y techos de zinc, todavía perduraban en las calles más antiguas los almendros rotos y polvorientos, aunque nadie sabía entonces quién los había sembrado. Mientras su padre ponía en orden el pueblo y su madre consolidaba el patrimonio doméstico con su maravillosa industria de gallitos y peces azucarados que dos veces al día salían de la casa ensartados en palos de balso, Aureliano vivía horas interminables en el laboratorio abandonado, aprendiendo por pura investigación el arte de la platería. Se había estirado tanto, que en poco tiempo dejó de servirle la ropa abandonada por su hermano y empezó a usar la de su padre, pero fue necesario que Visitación les cosiera alforzas a las camisas y sisas los pantalones, porque Aureliano no había sacado la corpulencia de los otros. La adolescencia le había quitado la dulzura de la voz y lo había vuelto silencioso y definitivamente solitario, pero en cambio le había restituido la expresión intensa que tuvo en los ojos al nacer. Estaba tan concentrado en sus experimentos de platería que apenas si abandonaba el laboratorio para comer. Preocupado por su ensimismamiento, José Arcadio Buendía le dio llaves de la casa y un poco de dinero, pensando que tal vez le hiciera falta una mujer. Pero Aureliano gastó el dinero en ácido muriático para preparar agua regia y embellició las llaves con un baño de oro. Sus exageraciones eran apenas comparables a las de Arcadio y Amaranta, que ya habían empezado a mudar los dientes y todavía andaban agarrados todo el día a las mantas de los indios, tercios

en su decisión de no hablar el castellano, sino la lengua guajira. « No tienes de qué quejarte », le decía Úrsula a su marido. « Los hijos heredan las locuras de sus padres ». Y mientras se lamentaba de su mala suerte, convencida de que las extravagancias de sus hijos eran tan espantoso como una cola de cerdo, Aureliano fijó en ella una mirada que la envolvió en un ámbito de incertidumbre.

—Algien va a venir – le dijo » [García Márquez 1980: 66-67]².

«Освободившись, во всяком случае на время, из мучительного плена своего воображения, Хосе Аркадио Буэндиа в короткий срок наладил во всем городе размеренную трудовую жизнь: ровное ее течение было нарушено лишь однажды самим Хосе Аркадио Буэндиа, когда он выпустил на волю птиц, которые с начала основания Макондо отмечали время своим звонкоголосым пением, и вместо них установил в каждом доме часы с музыкой. Это были красивые часы из резного дерева, выменянные у арабов на попугаев, и Хосе Аркадио Буэндиа наладил их ход с такой точностью, что через каждые полчаса они радовали город несколькими тактами из одного и того же вальса – каждый раз все новыми, а ровно в полдень дружно и без единой фальшивой ноты исполняли весь вальс целиком. Хосе Аркадио Буэндиа принадлежала также идея высадить на улицах миндальные деревья вместо акаций, и он же изобрел способ, тайну которого унес с собой в могилу, как сделать эти деревья вечными. Много лет спустя, когда Макондо застроилось

² Испанскому тексту романа Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» свойствен особый ритм, о чем свидетельствуют, в частности, не вполне обычные абзацы – длинные «периоды», которые могут заканчиваться оформленной отдельно репликой того или иного действующего лица (авторское оформление прямой речи также своеобразно, что нередко не отражено в переводе). К «следам ритма» в этом произведении можно отнести и разную размерность предложений – они могут занимать несколько страниц (например, почти три страницы в 16 главе), полстраницы, быть «нормальной» длины или размером в два-три слова, и это также «следы ритма». И здесь тоже переводчики иногда позволяют себе вольности – одному испанскому предложению могут соответствовать два и даже три русских, и напротив, два испанских предложения могут быть переданы одним длинным русским предложением (см. об этом подробнее в работе [Голубева-Монаткина 2015]).

деревянными домами с крышами из цинка, на самых старых его улицах все еще продолжали расти миндальные деревья – трухлявые, с обломанными ветками, но никто уже не помнил, чья рука их посадила.

Пока отец приводил в порядок город, а мать укрепляла благосостояние семьи, занимаясь производством восхитительных леденцовых петушков и рыбок, которых насаживали на бальзовые палочки и дважды в день выносили из дому для продажи, Аурелиано проводил бесконечные часы в заброшенной лаборатории, из чистой любознательности осваивая ювелирное дело. Он так вытянулся, что скоро одежда, унаследованная от брата, стала ему мала, и он начал пользоваться отцовскими вещами, правда, Витасьон приходилось ушивать рубахи и сужать брюки, потому что Аурелиано был пока худее отца и брата.

Со вступлением в отроческий возраст у него огрубел голос, Аурелиано сделался молчаливым и окончательно замкнулся в своем одиночестве, а взгляд его снова приобрел то напряженное выражение, которое поразило Урсулу в день появления сына на свет <...> » [Гарсиа Маркес 2015: 51-53].

«<...> «C'est vrai, me disais-je, quelle belle voix, quelle absence de cris, quels costumes simples, quelle intelligence d'avoir été choisir Phèdre! Non, je n'ai pas été déçu.»

Le boeuf froid aux carottes fit son apparition, couché par le Michel-Ange de notre cuisine sur d'énormes cristaux de gelée pareils à des blocs de quartz transparent » [Proust 1972: 41].

«<...> «Верно, – думал я, – голос прелестный, никаких завываний, костюмы простые. Какое благородство вкуса в том, что она выбрала «Федру»! Нет, я не разочарован!» Подали холодное мясо с морковью, уложенное нашим кухонным Микеланджело на огромные кристаллы желе, напоминавшие глыбы прозрачного кварца» [Пруст 1999: 36-37].

Как представляется, подобные переводческие вольности искажают ритмический «облик» оригинала, что приводит к определенным последствиям композиционного, стиливого и содержательного характера.

Нельзя не обратить внимания и на то, что в отличие от художественной прозы, проза философская, хотя она и обладает своим особенным ритмом, дает переводчику, по-видимому, гораздо больший простор для изменения абзацной структуры оригинала. Это показало сопоставление русского и изданного в 1990 году французского текста книги С.Н. Булгакова «Философия имени» [Голубева-Монаткина 2014], переводчик которой (билингв с доминирующим французским языком), желая облегчить франкофонам восприятие русской религиозной философии, не только раздробил слишком объемные абзацы, но и, в частности, ввел во французский текст абреже (перечни внутренних заголовков).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1924 – *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php.

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Понятие «ритм» в его языковом выражении // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Под ред., с вступ. ст-ей и комментарием Ю.С. Степанова. М.: Прогресс. – С.377-385.

Брик 1927 – *Брик О.* Ритм и синтаксис // Новый Лэф. 1927. № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/brik-rs.htm>.

Гарсиа Маркес 2015 – *Гарсиа Маркес Г.* Сто лет одиночества / Г. Гарсиа Маркес; [пер. с исп. В.С. Столбова, Н.Я. Бутыриной]. М.: Издательство АСТ. – 544 с.

Герчук 1984 – *Герчук Ю.И.* Художественная структура книги / Ю.И. Герчук. М.: Книга. – 212 с.

Гиршман 1982 – *Гиршман М.М.* Ритм художественной прозы / М.М. Гиршман. М.: Изд-во «Советский писатель». – 365 с.

Голубева-Монаткина 2014 – *Голубева-Монаткина Н.И.* Об одном французском прочтении русского философского текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 73. №4. – С.53-60.

Голубева-Монаткина 2015 – *Голубева-Монаткина Н.И.* К вопросу о передаче ритма прозы при переводе (G. García Márquez «Cien Años de Soledad» / Г. Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества») // Перевод как средство обогащения мировой культуры. Материалы международной научной конференции 21-24 ноября 2015 г.: Электронное издание. М.: ООО «Издательство Форум». – С.60-69.

Дессон 2010 – *Дессон Ж.* Поэтика ритма Анри Мешонника. Искусство и манера // Вопросы литературы. №5 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/5/de22.html>.

Жирмунский 1966 – *Жирмунский В.М.* О ритмической прозе // Русская литература. №4. – С. 103-114.

Иванова-Лукьянова 2011 – *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Ритм художественных прозаических текстов как отражение жизненных ритмов человека // Независимая академия эстетики и свободных искусств. Академические тетради. Вып. 14. Тетрадь 7. Бюллетень интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.independent-academy.net/science/tetradi/14/ivanova.html.

Маричик 2009 – *Маричик Ю.* Лингвопоэтическая теория Анри Мешонника и ее франко-русско-немецкие корни // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). Коллективная монография / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова и М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН. – С.132-152.

Пруст 1999 – *Пруст М.* Под сенью девушек в цвету. Пер. Н.М. Любимова. СПб.: Амфора. – 607 с.

Сапаров 1974 – *Сапаров М.А.* Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве /

Б.Ф. Егоров (ред.). Л.: Наука. – С.85-102.

Томашевский 1929 – *Томашевский Б.В.* Ритм прозы («Пиковая дама») // Б. Томашевский. О стихе. Статьи. Л.: Прибой. – С. 254-318.

Чихольд 2009 – *Чихольд Ян.* Облик книги. Избранные статьи о книжном оформлении и типографике / Ян Чихольд; пер. с нем. Е. Шкловской-Корди. 2-е изд., испр. М.: Изд-во Студии Артемии Лебедева. – 228 с.

Эткинд 2002 – *Эткинд Е.Г.* Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Стихovedение: Хрестоматия / Сост. Л.Е. Ляпина. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука. – С.81-100.

García Márquez 1980 – *García Márquez G.* Cien Años de Soledad / G. García Márquez; [Г. Гарсиа Маркес. Сто лет одиночества. Роман. На исп. яз.; вступит. ст. В.Б. Земскова; комм. Н.Я. Бутыриной]. Moscú: Editorial Progreso. – 408 p.

Proust 1972 – *Proust Marcel.* A la recherche du temps perdu. II. A l'ombre des jeunes filles en fleurs. Paris: Gallimard. – 633 p.

РЕЦЕНЗИИ

Е.Ю. Иванова, А.А. Градинарова. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОГО. Москва: Языки славянской культуры, Studia philologica, 2015. - 626 с.

В конце 2015–ого года вышла из печати книга Е.Ю. Ивановой и А. Градинаровой «Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского». Она издается авторитетнейшим издательством Языки славянской культуры, в серии Studia Philologica. За последние 10 лет в этом издательстве отпечатаны труды почти всех крупнейших ученых, работающих в русле русской и славянской филологии. Сам факт, что работа Е. Ивановой и А. Градинаровой была принята к печати в этом солидном издательстве, уже является признанием ее высокого качества.

Монография является первой попыткой представить целостный обзор соотнесенности синтаксических систем болгарского и русского языков. Авторы проделали огромную работу по сбору и анализу синтаксического материала, рукопись книги читали и рекомендовали к печати такие серьезные ученые как проф. Ст. Димитрова и самый солидный представитель петербургской школы типологической лингвистики В.С. Храковский, а в обсуждении отдельных фрагментов монографии принимали участие многие опытные болгаристы и слависты.

Книга имеет впечатляющий объем - 626 страниц. Введение и заключение авторы писали совместно, Е. Ивановой разработаны 1, 2 и 3 главы, а также часть 4 главы, А. Градинарова - автор части 4 главы, а также 5 и 6 глав. Следует отметить, что и Иванова и Градинарова на протяжении многих лет занимаются серьезно проблемами синтаксиса и точнее – сопоставлением синтаксических единиц – как в направлении от болгарского к русскому, так и от русского к болгарскому. Обе имеют солидное количество публикаций по этой тематике. В предлагаемом вниманию читателей труде авторы ставят себе амбициозную цель охватить все единицы синтаксиса: словосочетание, простое и сложное предложения, рассматривая их как с системно-структурной, так и с референциальной и коммуникативно-функциональной точек зрения. Во введении

подчеркивается, что упор делается прежде всего на те элементы болгарского синтаксиса, которые показывают различия с их аналогами в русской синтаксической системе.

Работа имеет солидную теоретическую основу – во вводной части приводится перечень основных трудов по болгарскому синтаксису, на базе которых строится контрастивное описание. Учитываются синтаксические описания, выполненные как в русле традиционного структурно-семантического подхода, так и с позиций трансформационно-генеративного и семантического синтаксиса, компьютерной и корпусной лингвистики и прагматики и др. Принимаются во внимание и некоторые исследования по сопоставительному русско-болгарскому синтаксису.

Самое большое место в монографии закономерно отводится системе простых предложений в болгарском языке, их типологии, структуре и способам осложнения. В начале первой главы приводится анализ типов синтаксических связей и словосочетаний, которые авторы определяют как составную часть предложений. Указываются основные различия между двумя языками в системах словосочетаний:

– Количественное преобладание словосочетаний с согласованием между компонентами в болгарском, что объясняется или именным аналитизмом: *фронтва линия – линия фронта, дневен ред – повестка дня* и др./с. 23/, или же более свободным образованием болгарских притяжательных прилагательных типа *Ботевата поезия, братовата дъщеря, питагоровата теорема* и др. /с.24/.

– Отмечается специфическое болгарское сочетание двух существительных в исходной форме типа *китка цвете, кутия бонбони, филия хляб* и др. которым в русском языке соответствуют аналоги с падежным или предложно-падежным управлением.

– В специальном параграфе и довольно развернуто описываются словосочетания с двумя или тремя предлогами типа *чантичка за през рамо, крем за през ноцта, дали сме с по около 7 лева повече на човек* /с. 36/ и др. Такие полипредложные конструкции, несомненно, являются характерной чертой болгарского разговорного языка и представляют интерес для более углубленного сопоставления и для практики перевода.

Анализу синтаксических связей и словосочетания в книге посвящено в общей сложности всего около 20 страниц, что делает его несколько схематическим и явно недостаточным. Акцент ставится на таблице /с.32 – 34/, в которой представлены возможные валентности слов, но не только на уровне словосочетания, а и в простом и даже в сложном предложении.

Описание простых предложений в обоих языках, как справедливо отмечают авторы исследования, проводится в традиционной синтаксисе на одних и тех же основаниях, поэтому упор в данном сочинении падает на отдельные детали теории простого предложения.

Подробно рассматривается разряд предложений, выделяемых по цели высказывания. В первую очередь комментируются побудительные предложения. В русистике и болгаристике им посвящено большое количество как одноязычных, так и сопоставительных исследований. Прослеживаются почти все основные средства выражения побуждения в болгарском: императив, ДА-конструкция, конструкции с частицами *нека* и *недей*, с лексемами *стига* и *хайде*, транспозитивные формы с глаголом в настоящем или будущем времени, а также в условном наклонении. Выведены более яркие различия между двумя языками: отмечена меньшая частотность так называемого синтетического императива в болгарском вследствие его функциональной конкуренции с ДА-формой, которая покрывает почти весь семантический диапазон побудительности, прослеживаются видовые различия, функционирование лексем с побудительным значением и др. Бегло упоминается опатив и перечисляются основные средства его выражения. Несомненным достоинством монографии является информативное компактное описание вопросительных предложений. В литературе можно найти сопоставительное описание лишь отдельных разновидностей этих предложений. Ценные наблюдения содержатся в анализе трех формально-структурных разрядов вопросительных конструкций, прослеживается использование различных вопросительных частиц, комментируется употребление частицы ДА в различных модификациях вопросов.

В одном из параграфов первой главы рассматривается вопрос об отрицании и его выражении в болгарском и русском языках. Самые яркие различия четко перечислены на с. 77. Специфической особенностью болгарского отрицания является тенденция к его отчетливому смещению в сторону предиката и способность предикатного отрицания допускать двойное толкование семантики отрицательных предложений. В доказательство приводится ряд интересных примеров. Совершенно справедливо заключение, что отрицательные предложения продолжают оставаться еще не до конца исследованной зоной болгарского и сопоставительного синтаксиса.

Двусоставное предложение в работе описано целиком в традиционном ключе. Приводится подробный анализ способов выражения главных и второстепенных членов предложения, акцентируется на постановке артиклевой формы, отсутствии инфинитивного подлежащего в болгарском, подробно обсуждается вопрос о так называемой нулевоподлежащности, приводится перечень ситуаций, в которых постановка подлежащего является более-менее регулярной. Рассматриваются подробно способы выражения сказуемого в предложении и обращается внимание на те формы, при выражении которых наблюдаются различия с русским языком. Особо подчеркивается склонность болгарского языка использовать разнообразные дублетные формы. Отмечается одно из самых ярких различий в синтаксисе обоих языков – употребление связочного глагола СЪМ и подробно рассматриваются средства выражения присвязочной части.

Почти 40 страниц занимает комментарий выражения второстепенных членов предложения. Указывается ряд различий между языковыми единицами, выполняющими в предложении роли дополнения, приложения и обстоятельства. Для изучающих русский и болгарский языки особенно ценными являются списки глаголов, различающихся по своей валентности: *владя, дъшам, завеждам, командвам, ръководя* и др. – которым в р.ез. соответствует форма с творительным падежом имени - *дышать воздухом, командовать полком* /с.156/. В связи с выражением дополнения указывается еще одно важное различие, характерное для языков балканского языкового ареала - удваивание дополнения. В русском языке такое

явление отсутствует: *На детето му се спи – Ребенку хочется спать; Нея не я видях – Ее я не видел; Тази история са ми я разказвали – Эту историю мне рассказывали и др. /с165 – 166/.*

Для практического применения языка важное значение имеет и отмеченное в работе более широкое употребление в болгарском приложений типа улица «Граф Игнатиев», площадь «Славейков», Софийски университет «Св. Климент Охридски», завод «Найден Киров» и др. и специфика их перевода на русский язык при помощи конструкции университет имени Кл. Охридского, завод имени Н. Кирова и др. /с.150/.

В комплексе языковых средств, выступающих в функции обстоятельства подчеркивается отмеченная многими исследователями гораздо меньшая употребительность причастных и деепричастных форм и оборотов в болгарском языке, а также способность наречия в подобной функции иметь при себе предлог: *от днес започвам диета – с сегодняшнего дня сажусь на диету; от вчера не ми се е обаждал – со вчерашнего дня он мне не звонил.*

Около 30 страниц текста посвящены типам односоставных предложений. Авторы отмечают, что при их описании будут придерживаться традиционной классификации, но будут учитывать и некоторые более современные трактовки проблем односоставности. Справедливости ради нужно сказать, что сопоставлять классы предложений, опираясь на их традиционное описание в болгаристике и на их новые трактовки в русистике – задача исключительно трудная. По этой причине, как кажется, так называемые определенно-личные предложения упоминаются совсем бегло, а в других типах авторы попытались состиковать несовпадающие трактовки и снабдить их надлежащим комментарием. Вызывают некоторое сомнение авторские толкования семантики предложений типа *Милен го арестуваха* как «особый вид референции к властным структурам» или не совсем чисто составленного предложения *Никога не я обичаха така* вм. *Никога не са /не бяха я обичали така* – как стилистический прием /с.174/. В отношении неопределенно-личных предложений с глаголом в форме 3 л. мн.ч. справедливо указывается, что по сравнению с русским языком они имеют меньшую частотность

употребления и часто заменяются при переводе пассивными SE-формами.

Трактовка и сопоставление разрядов безличных предложений ограничивается в работе рассмотрением их структурных типов и основывается на довольно исчерпывающих контрастивных исследованиях М. Рожновской, И. Георгиева, А. Градинаровой, Е. Ивановой. К безличным в силу «отсутствия прямого указания на субъекта действия» безапелляционно относится целый ряд предложений, в которых так или иначе «необходимо указание на лицо» /с.183 – 184/, а также желательные конструкции типа *Работи ми се*, *Плаче ми се*, *Прибира ми се вече* и др., /с.187/и *Спи ми се*, *Допуши ми се* *Прияде ми се* /с.188/, подведенных под общим объяснением «состояние, которое не контролируется экспериенцером, не зависит от его воли». Некоторое недоумение вызывают также приведенные на с. 184 словарные формы инхотативных дериватов от некоторых глаголов, которые реально в речевой практике в данной форме не употребляются. Речь идет о дериватах типа *домързее ме*, *засърбее ме*, *долошее ми*, *достудее ми* и др.

Несмотря на то, что направление сопоставительного анализа идет в книге от системы болгарского к русскому языку, к разряду односоставных предложений прилагается достаточно развернутое описание русских инфинитивных предложений и их болгарских переводческих соответствий. В нем, однако, меняется ракурс их описания: они исследуются не столько по структуре и выражаемому значению, сколько с позиций наличия/отсутствия признака «контролируемость» в семантике предиката /с.189/. В данном параграфе анализу подвергаются не только инфинитивные конструкции, традиционно относимые в грамматиках к односоставным предложениям, но и некоторые двусоставные образования типа *А он – сразу бежать; Так ты драться!*

Последний параграф описания простого предложения содержит комментарий различных способов осложнения его структуры в речи. Речь идет об однородных членах предложения, обособлении, вводных и вставных элементах и обращении. Во всем этом разделе добросовестно указаны авторы, чьи труды использовались при сопоставительном описании и приведены

примеры на способы передачи указанных выше средств на русский язык.

Сложному предложению в книге посвящено 145 страниц. Сразу необходимо отметить, что это описание требовало от авторов значительных усилий не только из-за большого объема анализируемого материала, но еще по нескольким существенным причинам: 1/ Сильный теоретический разнобой в объяснении и классификации систем сложных предложений в болгарском и русском языках. Выбрать подходящую непротиворечивую модель для сопоставительного описания в такой ситуации достаточно сложно. Старый подход, строящийся на аналогии функций придаточной части с функциями членов предложения, уже очевидно не имеет объяснительную силу. Поэтому автор раздела Е. Иванова оговаривает специально вынужденное перекрещивание и параллельное использование двух различных подходов – структурно-семантического и функционально-семантического. 2/ Второй трудный момент связан с относительно слабой изученностью в сопоставительном плане систем сложных предложений в обоих языках. Если на уровне словосочетания и простого предложения существует довольно большое количество сопоставительных этюдов, то в болгарской лингвистике имеется лишь несколько работ, посвященных сопоставлению отдельных разновидностей сложных предложений в болгарском и русском языках. Преодолевая указанные трудности, автор Е. Иванова делает попытку представить в возможно более полном и систематическом виде сравнительный анализ этих синтаксических единиц. Всего проанализировано 15 разновидностей сложноподчиненных и 4 типа сложносочиненных предложений. Приведен большой массив двуязычных примеров с подробным комментарием семантики и употребления отдельных союзов. Этот материал особенно ценен для практики преподавания сопоставительной грамматики русского и болгарского языков.

Вторая глава называется «Референциальные аспекты болгарского предложения». Она имеет небольшой объем – около 15 страниц и в ней комментируется система артиклей в болгарском языке и правила их присоединения к словам разного типа. Для обучения иностранцев болгарскому языку этот материал имеет

важное теоретическое и практическое значение. Сопоставительный элемент заключается в приведении способов перевода на русский язык .

Третья глава «Коммуникативная организация болгарского предложения» посвящена по сути дела актуальному членению предложения, изложенного на базе концепций ряда русских лингвистов /Янко, Николаева, Ковтунова, Падучева/. Здесь приведены авторские наблюдения над различными позициями темы и ремы в болгарском и русском предложениях.

Глава четвертая называется «Болгарские синтаксические конструкции на фоне русских в коммуникативно-функциональном плане». Это, по сути дела набор нескольких очерков, не связанных логически между собой, но посвященных некоторым особенностям в функционировании пассива, субъектного имперсонала, неопределенно-личности и безличности, а также - описательным предикатам и фразеосхемам.

Рассуждения о способах устранения или подавления субъекта, как его называет автор раздела А. Градинарова, несомненно являются исключительно интересными при сравнении двух языков, поскольку это явление имеет разную частотность и различный набор средств, которые принимают участие в его реализации.

Описательные предикаты, интерес к которым в русистике возник в связи с изучением деривационных отношений и правил семантико-грамматических трансформаций в предикатном узле, впервые в русско-болгарской компаративистике получает солидное описание в трудах А. Градинаровой. В этом параграфе содержится интереснейший двуязычный материал о различных трансформациях этих конструкций в обоих языках

Глава пятая «Порядок слов в болгарском предложении. Болгарские клитики» в некоторой степени повторяет и перекликается с содержанием третьей главы. Это описание, несомненно, должно занять более серьезное место в рамках сопоставительного синтаксиса, так как все еще нет полного и детального его изучения на болгарско-русском материале. Приведенный в данной главе книги анализ содержит ценные наблюдения относительно места отдельных компонентов предложения. Несмотря на то, что анализ почему-то

начинается с позиции прямого дополнения, а не с расположения членов предикативной основы, это исключительно ценный для практики преподавания материал.

Интересные наблюдения содержатся и в параграфе, посвященном болгарским клитикам, их месту в предложении и их русским соответствиям. Здесь приводятся исключительно важные данные об употреблении различных частиц и кратких форм местоимений в предложениях различного типа.

Глава шестая «Болгарская пунктуация на фоне русской» построена исключительно прагматично. В тексте последовательно маркируются случаи расхождений в постановке знаков препинания - сначала в простом предложении, потом в сложном, в прямой речи и цитации, причем приводятся для справки параллельно болгарские и русские правила. Это информативно и удобно для пользователей.

Общее впечатление от книги Е. Ивановой и А. Градинаровой в высшей степени положительное. Это солидный, хорошо обоснованный труд, построенный на базе исследования впечатляющего корпуса теоретического и эмпирического материала. В нем не только обобщаются результаты исследований различных ученых, но и представлены свои, авторские подходы и концепции контрастивного описания с исключительно детальным и углубленным анализом. В ходе исследования авторам пришлось преодолевать серьезные различия в теоретических схемах описания синтаксиса обоих языков. Книга охватывает все основные особенности болгарской синтаксической системы и способы их экспликации в русском языке. Она будет полезна не только специалистам-филологам и студентам, изучающим болгарский и русский языки, но и широкому кругу учителей русского языка в Болгарии, так как представляет собой первый компактный труд, охватывающий всю структуру синтаксической системы языка с соответствующим семантическим и функциональным комментарием и показывающий на практику реальное соотношение синтаксических единиц болгарского и русского языков.

Анна Димитрова Николова
Шуменский университет им. Епископа К. Преславского
Шумен, Болгария

ХРОНИКА

Димитрина Спасова Лесневска
Университет национального и мирового хозяйства
София, Болгария

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «РУСИСТИКА СЕГОДНЯ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

23 – 26 ноября 2016 года в **Софийском университете имени Св. Климента Охридского (г. София, Болгария)** состоялась Научная конференция с международным участием **«Русистика сегодня: традиции и перспективы»**, посвященная 70-летию специальности «Русская филология» в Софийском университете и 1100-летию успения Св. Климента Охридского. Форум проводился при поддержке Болгарской национальной сети преподавателей русского языка и культуры и Программы научных исследований Софийского университета за 2016 г. (Факультет славянских филологий, договор №139/2016 г.).

В работе конференции, организованной **Факультетом славянских филологий** при участии **кафедры русского языка и кафедры русской литературы**, приняли участие 100 представителей профессорско-преподавательского состава ведущих отечественных и зарубежных вузов, учебных и переводческих центров из 10 стран: **Болгарии, Греции, Казахстана, Киргизии, Латвии, Ливана, Литвы, Польши, России, Франции.**

При открытии конференции в Актовом зале Софийского университета заведующая кафедрой русского языка доц. д-р **Т. Алексиева** выступила с программным докладом *«Развитие русистики в Софийском университете – современное состояние и достижения (2011 – 2016)»*. На пленарном заседании были заслушаны доклады академика РАН **А. Молдована** *«Русский язык и академическая лексикография на современном этапе»* и профессора **А. Каравашкина** *«Статистическая и динамическая модели*

литературной культуры в трудах Д.С. Лихачева и российских медиевистов 20 века».

Работа на Конференции велась по четырем направлениям:

- **Направление I:** Теоретические и прикладные аспекты исследования современного русского языка;
- **Направление II:** Русский язык в межкультурной среде;
- **Направление III:** Литературные юбилеи в юбилейном году;
- **Направление IV:** Православный мир: история его книжности и языка.

В рамках **Первого направления** обсуждались вопросы контрастивной лингвистики (**А. Градинарова** – СУ им. Кл. Охридского, София – *«Болгарский составной союз ОСВЕН АКО в сопоставлении с русским РАЗВЕ ЧТО, РАЗВЕ ТОЛЬКО и РАЗВЕ ВОТ»* и др.); проблемы перевода (**И. Владова** – СУ им. Кл. Охридского, София – *«Интегральные и дифференциальные процессы при переводческом трансфере»* и др.); лингвокультуроведческие аспекты (**В. Аврамова** – Шуменский университет им. К. Преславского, Шумен – *«О языковом коде культуры»* и др.); вопросы теории дискурса (**Х. Кудлинска** – Лодзь, Польша – *«Русский демотиватор как новая дискурсивная практика»* и др.). ИБЕ БАН, София, был представлен докладами **К. Симеоновой** *«За употребата на някои общи фразеологизми в съвременния български и руски език»* и **И. Панчевым** *«Поглед към степента на проява на признака в български и руски език върху материал от оценъчни прилагателни»*.

Тематика **Второго направления** охватила широкий круг лингводидактических проблем обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ в русскоязычной и иноязычной среде. Интерес вызвал доклад **Н. Гетьманенко** (Москва, Россия) *«Метапредметный подход при обучении русскому языку в поликультурной среде»*. Обучению русскому деловому дискурсу в болгарской аудитории был посвящен доклад **Д. Лесневской** – УНМХ, София – *«Эпистолярный дискурс в обучении РКИ в болгарской аудитории»*. **Е. Борисова** (Москва, Россия) ознакомила аудиторию с проблемами преподавания русского языка итальянцам, зачитав доклад *«Семантико-грамматические проблемы при изучении русского языка итальянцами»*. **К. Юсупова** (Афины, Греция)

поделилась опытом работы с греками, изучающими русский язык, выступив с докладом *«Межкультурные и межъязыковые особенности греков, изучающих русский язык как иностранный»*. В своем докладе *«Опыт разработки материалов для преподавания русского языка как иностранного в контексте лингвотеатрального подхода»* **Д. Цотова** (София, Болгария) проанализировала особенности лингвотеатрального подхода в преподавании иностранных языков, в частности РКИ. С большим интересом был заслушан программный доклад генерального директора научно-исследовательского центра «Еврошкола», профессора **В. Сафоновой** (Москва, Россия) на тему *«Культуроведческие основы изучения русского языка в поликультурном пространстве современного мира»*.

Третье направление было посвящено литературным юбилеям в юбилейном году. **Т. Фель** – НБУ, София – выступила с докладом *«Вечно живой Гоголь: комедия «Ревизор»*. Были рассмотрены *«Феномен Карамзина»* **Р. Илчевой** (София, Болгария), *«Авантюрист или праведник? Образы врача в творчестве Н.А. Некрасова и А.Ф. Писемского»* **Н. Сакрэ** (Ренн, Франция), *«Прощание с Матерой» В. Распутина как прецедентный текст в современной традиционалистской прозе (к 40-летию создания повести)»* **Т. Терновой** (Воронеж, Россия) др. Было проанализировано также творчество *Михаила Булгакова* **Р. Божанковой** и **Ц. Димитровой** (София, Болгария). Был затронут вопрос художественного перевода в докладе **С. Дутбаевой** (Атырау, Казахстан) *«Творчество В.П. Арсеньева в аспекте художественного перевода»*.

Четвертое направление охватило тематику истории Православного мира, его книжности и языка. Интерес вызвал доклад **Ц. Ралевой** – СУ им. Кл. Охридского, София – *«О словах Св. Климента Охридского в русском Дебреценском сборнике начала XVII в.»*. Творчеству Климента Охридского были посвящены также доклады **Ц. Досевой** *«Песнопения Св. Климента Охридского в славянских службах пророку Или»* и **И. Чековой** *«Письменное наследие древнеболгарского книжника Св. Климента Охридского и восточные славяне»* – СУ им. Кл. Охридского, София. **Нели Василева** – ВВМУ им. Н. Вапцарова – Варна – выступила с докладом

«Редкие слова в древнейшем славянском переводе ЛЕСТВИЦЫ». Известная болгарская писательница и журналистка **Калина Канева** рассказала о своих встречах с Д.С. Лихачевым, зачитав доклад *«Мои встречи с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым».*

В ходе конференции редколлегия **журнала «Болгарская русистика»** имела удовольствие встретиться и пообщаться с **российскими авторами** статей последних выпусков. Так, мы встретились с профессором кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета, основоположником Воронежской школы ономастики **Геннадием Филиповичем Ковалевым**. В кн.2 за 2016 г. журнала «Болгарская русистика» опубликована его статья *«Русское отчество как этноязыковая категория русского языка»*, С.49–57. На конференции проф. **Г.Ф. Ковалев** выступил в **Третьем направлении** с докладом *«О чем говорят имена в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».* Мы имели удовольствие пообщаться еще с одним нашим российским автором – канд. фил. наук, доцентом кафедры русского языка Института филологии, журналистики и культурной коммуникации Южного федерального университета в Ростове-на-Дону **Светланой Владимировной Коростовой**. В кн. 3–4 за 2015 г. журнала «Болгарская русистика» опубликованы ее две статьи: *«К вопросу о типологии средств актуализации категории эмотивности в русском художественном тексте»*, С. 48 – 59; *«О нравственной доминанте ранних рассказов А.П. Чехова и М.А. Шолохова»*, С. 115 – 124. На конференции доц. **С.В. Коростова** участвовала в **Четвертом направлении** с докладом *«Эмоциональная составляющая православной проповеди».*

25 ноября в Новом конференц-зале состоялось закрытие конференции. Была подчеркнута значимость Конференции, ее практические и теоретические результаты. С благодарностью к организаторам обратилась профессор **Виктория Викторовна Сафонова**. 26 ноября для участников Конференции была организована экскурсия в древний болгарский город Пловдив. Будет опубликован **Сборник** с докладами всех участников Конференции.

В заключение подчеркиваем успешное проведение Конференции **«Русистика сегодня: традиции и перспективы»** в

Софии. Работа Конференции была продуктивной и плодотворной. Конференция способствовала развитию сотрудничества между русистами всего мира.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Жана Щилиянова Лалева
Теодора Георгиева Радева
Средняя школа с изучением иностранных
языков им. Св. Климента Охридского
Благоевград, Болгария

СРЕДНЯЯ ШКОЛА С ИЗУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СВЯТОГО КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО, Г. БЛАГОЕВГРАД

Школа существует с 1991 г. В этом году, 25 ноября, в день чествования Святого Климента Охридского отметили 25 лет со дня основания школы.

А началось все в 1984 году с «русских» классов городской гуманитарной гимназии.

С 2005 г. школа переехала в новое здание, отвечающее всем современным стандартам.

Русский язык изучался с первого класса, начиная с самого начала существования учебного заведения. Признанием работы русистов в школе стало включение в Общенациональную сеть базовых школ с обучением русскому языку в 2003 г. С тех пор мы проводим встречи-семинары с коллегами Благоевградской области, открытые уроки с использованием интерактивных методов обучения.

Обучение в школе с 9-го по 12 класс профильное: английский язык, русский язык, болгарский язык и литература, информационные технологии. С пятого класса русский язык изучается как второй иностранный по выбору родителей.

Школа располагает современными кабинетами, информационным центром.

Наша школа является базовой для преподавателей и студентов Юго-западного университета имени Неофита Рильского. Будущие учителя проходят здесь педагогическую практику. Мы поддерживаем постоянное сотрудничество с Обществом русистов Болгарии, с Русским культурно-информационным центром, с Русским центром Столичной библиотеки и др.

Приоритетом для преподавателей является формирование у учащихся лингвистической и коммуникативной компетентности, развитие интереса к русской культуре. Как школьники, так и учителя постоянно пользуются русскими сайтами в Интернете и образовательными платформами, такими как «Образование на русском».

Наши воспитанники активно участвуют в Национальной олимпиаде по русскому языку. В год русского языка (2007 г.) национальный тур состоялся в Благоевграде и наша школа встречала участников. Впервые в Болгарии был создан сайт Олимпиады, на котором были опубликованы все материалы областного и национального тура и результаты участников.

В интересах развития изучения иностранных языков осуществили проект «Языки – путь в глобализирующийся мир». По проекту открыли Центр по изучению иностранных языков.

В школе богатая библиотека с литературой на болгарском, английском, французском и русском языках. Участие в мегапроекте «Пушкинская библиотека» Открытого общества в России дало нам возможность получить современную учебную, справочную и художественную литературу на русском языке, особенно ценны мультимедийные продукты, полученные благодаря этому проекту.

Нельзя не отметить и работу по проекту Фонда Б. Ельцина, благодаря которому школа располагает богатой коллекцией русских фильмов, наглядных пособий, словарей и книг. Посольство

Российской Федерации в Болгарии и Газпром – Лукойл подарили школе современный компьютер.

Воспитанники учебного заведения с успехом защищают авторитет школы на престижных национальных и международных конкурсах и состязаниях. Активно участвуют в мероприятиях, посвященных историческим и культурным событиям России и Болгарии. Участия в конкурсах «Гимнастерка», «Живая классика», в языковых школах Московии, во всемирном фестивале русского языка в Санкт-Петербурге – это только небольшая часть деятельности нашей дружной команды.

Впервые в Болгарии, пять лет назад, наша школа стала организатором и координатором Тотального диктанта. С каждым годом число участников растет.

Школа, ее ученики, преподаватели и родители имеют серьезный потенциал для развития своей деятельности, связанной с изучением русского языка.

В истории школы навсегда останутся имена учителей русского языка – Богдана Кранчева, Свободка Мадолева, Соня Лазарова, Йорданка Димитрова, Ираида Андонова, Надя Димитрова Татьяна Марковска. Учителя русского языка Жана Лалева и Теодора Радева за свою работу удостоены Почетным дипломом имени Неофита Рильского Министерства образования и науки Болгарии.

За всеми приятными воспоминаниями стоят кропотливый труд и огромное желание делать свое дело и успевать, гордиться успехами учеников и школы.

С юбилеем тебя, дорогая наша школа! Здоровья, счастья и успехов бывшим, настоящим и будущим ученикам, учителям и родителям!

IN MEMORIAM

ПРОФ. Д.Ф.Н. СВЕТЛАНА ЖАНОВНА ПЕНЕВА (1936 – 2016)

24 октября 2016 года ушла из жизни известный болгарский русист, фонетист, профессор кафедры русистики Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия Светлана Жановна Пенева.

С.Ж. Пенева родилась 2 января 1936 года в г. Тахта-Базар (Туркменская ССР). Закончила Кзыл-Ордынский государственный педагогический институт имени Н.В. Гоголя (Казахстан) по специальности «Русская филология» в 1956 году, затем работала учителем в г. Караганда. С 1965 по 2005 г. работала на кафедре русистики Великотырновского университета, сначала в должности преподавателя (1965-1974) и старшего преподавателя (1975-1979), затем доцента (1986-1996) и профессора (1997-до ухода на пенсию).

В 1975 году защитила докторскую (кандидатскую) диссертацию в РУДН (г. Москва) на тему «Исследование темпорального компонента словесного ударения в русском и болгарском языках», в 1980 г. – труд на получение звания доцента на тему «Электроакустическое исследование интенсивности гласных в русском и болгарском языках», а в 1995 году – диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Экспериментально-фонетическое исследование словесного ударения в русском и болгарском языках».

Исследовательские интересы С.Ж. Пеновой охватывали области современного русского языка в разделах «Фонетика и фонология», «Лексикология и фразеология». В число ее научных интересов также входили проблемы экспериментальной фонетики (в сопоставлении с болгарским языком), методики преподавания русского языка как иностранного. Ее научно-методическая деятельность была обширна:

научные исследования (монографии, статьи, практические разработки), написание и редакция учебников. С.Ж. Пенева стала автором более 150 работ. Была участником многочисленных научных форумов в Болгарии и за рубежом, а также членом Союза ученых Болгарии и Общества русистов Болгарии.

С.Ж. Пенева вела практические занятия по русской фонетике, читала лекционные курсы в бакалавриате (по современному русскому языку (фонетике, лексикологии, фразеологии) и в магистратуре (по русской акцентологии, русской речевой культуре и разговорной речи).

С.Ж. Пенева была высокоэрудированным ученым, оставившим солидное научное наследие, которое является вкладом в развитие болгарской русистики.

С.Ж. Пенева вложила много сил в обучение студентов и способствовала формированию нескольких поколений болгарских русистов.

Она останется навсегда в памяти преподавателей и студентов.

Вечная ей память!

Магдалена Димитрова Ганчева
Кафедра русистики
Великотырновского университета
им. Св. Кирилла и Мефодия
Велико-Тырново, Болгария

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадагулова Галия Мултаевна – канд. фил. наук, доц. кафедры «Казахский и русский языки» Алматы Менеджмент Университета (Алматы, Казахстан) gal5728gmail.com

Ганчева Магдалена Димитрова – д-р, главный ассистент Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария) magdagan@abv.bg

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна – д.ф.н., проф. Высшей школы перевода (факультета) имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) golmonat@mail.ru

Лалева Жана Щилиянова – ст. учитель русского языка СШИИЯ им. Св. Климента Охридского (Благоевград, Болгария) jana.laleva@abv.bg

Лесневска Димитрина Спасова – д-р, доц. кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария) dimitrina_lesnevsk@abv.bg

Николова Анна Димитрова – д-р, почетный профессор Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария) annanikbg@abv.bg

Орлов Алексей Петрович – аспирант кафедры Полтавского национального педагогического университета им. Владимира Галактионовича Короленко (Полтава, Украина) caseyorlov@gmail.com

Павлович-Шайтинац Майя – д-р, преподаватель Университета обороны Военной академии (Белград, Сербия) majamaja5@gmail.com

Петренко Денис Иванович — д.ф.н., проф. кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь, Россия) petrenko2045@yandex.ru

Радева Теодора Георгиева – ст. учитель русского языка СШИИЯ им. Св. Климента Охридского (Благоевград, Болгария) teodora_radeva@abv.bg

Раденкова Елена Кирилова – асс. кафедры русского языка Софийского университета им. Климента Охридского (София, Болгария) elradenkova@abv.bg.

Стойкова Милена Иванова – д-р, гл. асс. кафедры русской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, методист Центра русского языка и культуры Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Пловдив, София) milenalub@abv.bg

Шицзэн Хуан – профессор факультета иностранных языков и литератур Университета Цинхуа (Пекин, Китай) hsz@mail.tsinghua.edu.cn

Штайн Клара Эрновна – д.ф.н., проф. кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) textus@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bolgrusistika@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на русском языке.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, шрифт 12.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На русском языке (*данные автора: Имя Отчество Фамилия, Название организации, Город, Страна, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), а затем на английском языке (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), напр.:

Вера Иванова Петрова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
(шрифт 11)

**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(шрифт 12)

Аннотация: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: шрифт 11, не более 10 слов

Vera Ivanova Petrova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
(шрифт 11)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(шрифт 12)

Abstract: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами
Keywords: шрифт 11, не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на русском языке: шрифт 12, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, шрифт 10. Библиографические ссылки – в квадратных скобках [Фамилия автора, год издания, стр.], например: [Петров 2007], [Иванов 2014: 43], [Ефимова 2000: 60–72]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них.

Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 шрифт).

Список литературы – шрифт 11, в конце статьи без нумерации, фамилии авторов в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Литература оформляется следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

Максимов, Голубева 2010 – Русский язык и культура речи. Учебник / Ред. *Максимов В.И., Голубева А.В.* Санкт-Петербург: Златоуст. – 382 с.

Формановская 2002 – *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. – 216 с.

Целищев, Карпович, Поляков 1982 – *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука. – 189 с.

Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. № 11. – С.71–79.

Krier 1979 – *Krier Rob.* Urban space. New York: Rizolli international publications. – 174 p.

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЦЕНЗИЙ

Рецензия на русском языке – шрифт 12, объем: до 8 000 знаков с пробелами. Заглавие рецензии – точные данные рецензируемого труда. Данные автора помещаются после текста, напр.:

**Елена Андреевна Брызгунова. ЗВУКИ И ИНТОНАЦИЯ
РУССКОЙ РЕЧИ. М.: Русский язык, 1977. – 281 с.**

Текст, текст....

Ирина Иванова Петрова
ЮЗУ им. Неофита Рильского
Благоевград, Болгария

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com